

Артём Паприкеев

МИСТИКУС

Сборник мистических
рассказов

Артем Патрикеев

**Мистикус. Сборник
мистических рассказов**

«Издательские решения»

Патрикеев А. Ю.

Мистикус. Сборник мистических рассказов / А. Ю. Патрикеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939102-5

На что вы пойдете, чтобы познать неизведанное? Вы готовы заглянуть в самое сердце ада или пообщаться с духами? Что, если неизвестное существо прорабатывает планы вашей смерти и уже стоит за спиной? Сможете ему противостоять? Как выжить там, где опасность грозит со всех сторон? Кто притаился в темноте и не сводит с вас внимательных глаз? А если друг становится совершенно чужим человеком, как помочь ему снова обрести свое Я? Попробуйте пройти весь путь до конца и не отступить...

ISBN 978-5-44-939102-5

© Патрикеев А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Мистикус	6
Проблемный дом	7
Демон	20
Переселение	23
И приходит смерть	27
Листья	30
Голос. Записки хладнокровного	37
Инвалидное кресло	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мистикус

Сборник мистических рассказов

Артем Юрьевич Патрикеев

Редактор Мария Нефёдова

Фотограф Сергей Данилов

Фотограф Артем Патрикеев

© Артем Юрьевич Патрикеев, 2019

© Сергей Данилов, фотографии, 2019

© Артем Патрикеев, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-9102-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мистикус

Сборник мистических рассказов

Пусть не затянет вас ни одна из данных реальностей.

Посвящается моей маме – Патрикеевой Ирине Юрьевне, самой лучшей маме в любом из миров.

Проблемный дом

Темные, набухшие от дождя тучи не предвещали ничего хорошего. Идти оставалось всего ничего, но все равно стоило поторопиться. В холодном и покинутом доме вряд ли можно было быстро просохнуть и согреться. Единственным удачным моментом была возможность не тащиться через всю деревню со всеми этими лающими собаками, подозрительными взглядами и облезлыми домами, а пройти по колеиной дороге в обход деревни.

Нужный мне дом находился на самой окраине. Когда-то давным-давно – даже не представляю, насколько давно – он был баней, потому и поставили его в некотором отдалении от деревни. Однако дедушка полностью перестроил баню, превратив её в приличный деревенский дом.

Последний раз я был тут еще в детстве: не любил никогда деревню и всю эту деревенскую жизнь, поэтому и дедушку видел очень редко, а дом и того реже. Когда дедушка умер, оказалось, что я был указан в завещании как наследник. Дедушку я, сколько себя помню, всегда любил и уважал – может быть, именно поэтому дом достался мне. А может быть, дедушке было совершенно все равно, кому его оставлять: дачников-неудачников (как говаривала мама) среди нас не было.

Меня не очень-то обрадовало сообщение о том, что деревенский дом теперь мой, но к последней воле своего деда я решил отнестись с максимальным почтением.

С неба полетели первые крупные капли, когда я остановился перед деревянной калиткой дедушкиного – точнее, теперь уже своего – дома. Его опоясывал невысокий забор, который доходил мне только до плеча. Закрытые тяжелыми деревянными ставнями окна выглядели неприветливо и даже несколько страшновато.

Сам дом оказался не таким уж и большим, как представлялось мне в детстве. Два жилых этажа и чердак – что еще нужно одинокому человеку?

Однако разглядывать деревянное строение времени не было: капли падали все чаще, и моя одежда становилась все более влажной. Подцепив крючок, удерживающий калитку, я проскочил внутрь двора, быстрым шагом дошел до крыльца, и, как только я спрятался под надежной крышей, хлынул дождь. Он шел стеной, полностью закрывая весь обзор. Теперь даже калитку, да что калитку – землю в метре от крыльца я не мог разглядеть.

Зябко пожившись, я открыл дубовую тяжеленную дверь (и как только петли выдерживали?). Шагнув внутрь, приостановился, но тут же сама дверь подтолкнула меня внутрь, плотно закрывшись за мной. И сразу же шум, доносившийся снаружи, стал каким-то далеким и приятным. Прямо как в детстве, когда я сидел у бабушки на коленях и помогал прикреплять грузики к леске, а на улице шел дождь.

Далекое детское воспоминание настраивало на благодушный лад.

Несмотря на мои опасения, дом изнутри оказался сухим, чистым и очень даже опрятным (если такое слово к дому вообще применимо). Дед не зря его любил.

И почему только я никогда не стремился сюда? Может, потому что в деревне у меня никогда не было друзей, а может, были еще какие-то причины. Трудно сказать. Но теперь я был здесь и был в сомнениях: нравится мне тут или нет?

Привычных деревенских сеней в доме не было, так что прямо с крыльца я попал на утепленную веранду. Здесь находилась кухня, обеденный стол и лестница на второй этаж.

Электрическая четырехконфорочная плита робко пряталась в углу. Сомневаюсь, что её часто использовали, особенно в холодное время года: обычная русская печка пользовалась у деда гораздо большим уважением.

Следующая дверь (тоже деревянная, но гораздо более легкая, чем входная) вела в жилое помещение – большую комнату, приличную часть которой занимала огромная печь, широкая кровать, столик, кресло-качалка и несколько стульев. Из большой комнаты можно было перейти в маленькую, что я и сделал.

– Мог бы и ботинки снять.

Непонятный шепот остановил мою занесенную ногу прямо над самым порогом.

– Что? – Я огляделся, но никого не увидел. – Здесь кто-то есть?

Только шуршание дождя за окном было ответом. Я решил, что мне показалось или внутренний голос сыграл со мной злую шутку. Однако, обернувшись, я заметил, что уже заметно наследил, причем не только на полу, но и на пушистом ковре, вольготно расположившемся на гладких темных досках и прикрывавшем собой основную часть комнаты.

– Непорядок, – сказал я вслух и вернулся на веранду.

Там я снял мощные солдатские берцы и надел стоявшие тут же стоптанные тапочки. Мне они были несколько великоваты, но что поделаешь – о сменной обуви я не подумал.

Маленькая комната была без изысков: стол, две кровати, стоявшие углом, да стул. Кровати были большие, так что места в самой комнате оставалось совсем немного – только развернуться да вещи на стул повесить. Это была гостевая. Однако к деду довольно редко приезжали, так что комната чаще всего пустовала.

Не найдя здесь ничего интересного, я вернулся к печке, ее надо было затопить. Уличную одежду я пока не снимал, и чувствовалось, что не стоило этого делать, пока температура не поднимется хотя бы градусов на десять.

Немного дров лежало за печкой, но даже для одной закладки этого было явно маловато. Предстояло идти в сарай.

Ага, легко сказать! Дождь немного поутих, но лить не перестал. А до сарая придется бежать метров двадцать, не меньше (я никогда не отличался хорошим глазомером, однако всё очень любил измерять в метрах).

Странно было, что бабушка не позаботился о полной закладке дров. Насколько я знал, печка всегда должна была быть готова к тому, чтобы пламя запыхало в ней с одной спички. Дед любил говаривать: «Если огонь не загорается с одной спички, значит, что-то сделано не так».

Но обычно мы сами не выбираем, когда умирать. Может быть, дед просто не успел принести дрова? Такой мыслью я попытался успокоить себя. И умер он летом, так что вряд ли умудрился сжечь всё, что оставалось.

Я заглянул в печь: золы было предостаточно. В этом случае получалось, что печь кто-то топил – то ли дед перед смертью (что весьма сомнительно), то ли кто-то еще.

Насколько я знал, дед с соседями ладил, но довольно поверхностно, так что посиделок в этом доме практически никогда не было. Да и не слышал я, чтобы кого-то просили за домом присматривать в отсутствие хозяев.

Вопросы возникали один за другим, а ответов пока не было.

Я зябко поежился. Вопросы вопросами, а топить печь надо, если я не хочу ночью совсем околоть.

На выходе прямо у двери я обнаружил огромный военный плащ. Странно: когда я сюда входил, ничего похожего не заметил. Хотя полной уверенности в этом у меня не было... Пожав плечами, я накинул плащ на плечи. Он оказался для меня длинноватым и волочился по полу.

«Ах да, ботинки!» – хлопнул я себя по лбу. Они несколько улучшили дело, но не намного. «Ладно, делать нечего», – решил я и осмотрелся в поисках какой-нибудь емкости: в руках-то много дров не унесешь. Порыскав глазами и заглянув под стол, я обнаружил там новую железную переносную дровницу. Помнится, это был подарок деду несколько лет назад от нашей семьи. Похоже, что он ею ни разу так и не воспользовался.

Добежав до сарая, я рывком распахнул дверь и заскочил внутрь. Слегка переведя дух и оглядевшись в полумраке, я смог рассмотреть садовый и рабочий инвентарь. Здесь были вилы, лопаты, топоры, тачка, да много чего еще. Насколько мне удалось разглядеть в неверном свете, все вещи находились на своих местах. Что-то висело, что-то лежало, но везде чувствовалась аккуратная рука деда. Однако дров тут не оказалось.

«Тьфу ты! Они же хранятся слева от сарая под навесом!» Как же я давно здесь не был... все позабыл. Снова выскочив под дождь, я забежал за сарай. Дрова уютно примостились снаружи к его левой стене и были надежно закрыты навесом от непогоды, однако для человека, который их брал, тот являлся дополнительным неприятным моментом: струи воды стекали прямо на капюшон – благо, водонепроницаемый.

Дрова, хоть и колотые, оказались очень большими. Теперь мне стало понятно, почему дед так и не воспользовался подаренной дровницей: такие поленья в ней попросту не помещались. А по две-три штуки можно было и так таскать, в руках.

Забросив дровницу в сарай, я принялся перетаскивать поленья в дом. Больше четырех-пяти штук за один раз у меня унести никак не получалось. И дело даже не в моих способностях, а в том объеме, что занимали поленья в моих руках. Определив для себя десять пробежек, я принялся выполнять задуманное.

Вскоре (а может и не вскоре – время как-то перестало играть для меня хоть какое-то значение) я принялся за первую закладку. Как я ни старался, как ни вспоминал всё, чему меня когда-то учил дед, с первой спички разжечь печь у меня не получилось. Да и со второй тоже... И с третьей... Пришлось вытаскивать дровины и перезакладывать все по-новому. На этот раз все удалось. Хоть и не с первой спички, но огонь загорелся, доставив мне массу положительных эмоций.

Я всегда любил огонь – смотреть, как играют его язычки, весело перескакивая с полешка на полешку, но для начала, чтобы печь полностью прогрелась, надо было подождать. С сожалением я закрыл заслонку, давая огню разбираться с дровами без моего надзора, а заодно спасая ковер от возможных искр.

Дождь продолжал барабанить в окна, а в комнате стало совсем темно, так что я решился наконец включить свет. Честно говоря, я опасался того, что вся проводка давно уже вышла

из строя. Однако нет: лампочка, спрятанная под вязаным зеленым абажуром, сразу вспыхнула ярким ровным светом. Зеленоватые отблески на стенах приятно ласкали взор.

Я сел за стол. Пока дом прогревался, надо было разобраться с вещами и постелью.

Веселое потрескивание дров скрашивало черноту ночи и одиночество. Однако о каком одиночестве может идти речь, когда так приятно просто смотреть на огонь?

Это была уже вторая закладка – первая благополучно прогорела, заметно прогрел старый дом. Где-то стали поскрипывать доски. Изредка создавалось ощущение, что между бревнами древнего сруба кто-то ворочается. Но, ясное дело, выгоняющее влагу тепло могло чудеса творить!

Я блаженно потянулся. Сосиска с макаронами и сок практически утолили внезапно накативший голод. Хорошо, что я додумался взять с собой кое-какую еду, а то у деда припасов нигде не наблюдалось. Надо будет завтра в подвале посмотреть – авось, там хоть чего-нибудь да завалилось...

Эх, вот так и сидел бы, вытянув ноги к огню и наслаждаясь его игрой. Он создавал двойственное впечатление: с одной стороны, давал энергию, а с другой навевал сон. Однако ложиться было рановато. Точнее, мне непривычно было даже думать о том, чтобы ложиться спать полдесятого, поэтому я продолжал сидеть и глядеть на огонь, языки которого еще бодрились и никак не хотели сдаваться, несмотря на то, что дрова иставали все больше и больше.

Постель я уже разобрал. Чистая, свежая простыня пахла какими-то травами, а пододеяльник явно был близко знаком с дубовыми листьями.

«Странно, – рассуждал я, – дедушка умер у самого дома. Он тут жил, но почему постель лежит чистая, постиранная, явно не использованная?»

Более полугода назад деда нашли прислонившимся спиной к дому возле двери. Люди сразу и не заметили бы, что случилось несчастье, однако к деду заглянул по какой-то надобности сосед... Врачи говорили, что виновато сердце...

Стрелка наручных часов неумолимо приближалась к половине двенадцатого. Глаза нещадно слипались – сказывалась долгая и трудная дорога.

Перед сном я вышел на крыльцо и посмотрел на затянутое тучами небо. Во многих деревенских домах, что я мог разглядеть отсюда, свет уже был погашен, а ведь там точно жили люди. Сильно отличается жизненный уклад в деревне и городе. Дома я бы сейчас только сел за компьютер, а тут уже собирался спать. Славно зевнув, я зашел внутрь и запер дверь на щеколду. В принципе, в деревне бояться было некого, но от городских привычек никуда не денешься.

Выключив свет, я ошупью добрался до кровати. Несмотря на то, что в доме было очень даже тепло, постель встретила меня свежестью и прохладой. Ставни я так и не удосужился открыть. Была луна снаружи или нет – для меня совсем не актуально. В самом доме царила полнейшая чернота.

Приятный запах трав уносил мои мысли далеко-далеко, куда-то в безбрежный зеленый живой океан. Где-то вдалеке часы бумкнули двенадцать часов ночи.

Вокруг были сплошные листья. Ничего другого и не разглядеть – листья, листья, листья, нет даже ни одной веточки. И на чем они только держались? Я пробирался через них, как через вязкую зеленую массу. Сопротивление все нарастало и нарастало, мне становилось тяжело, руки и ноги работали с огромным трудом. Листья начинали на меня давить. В какой-то момент создается ощущение, что они просто набросились на меня. Они залепляли мне уши, нос, рот, я не мог ни крикнуть, ни вздохнуть.

Сколько человек может пробыть без воздуха? Минуту-полторы – во сне, может быть, и подольше, но всему приходит конец. Воздух в легких закончился, и я начал задыхаться.

Жажда жизни включила резервы организма, снова появились силы. В попытке освободиться я начал крутиться, рвать и метать, разбрасывая кучу листвы, ставшую неожиданно легкой и податливой, в разные стороны. Я чувствовал, что освобождаюсь...

И тут я проснулся. За печкой что-то зашуршало, и оттуда с сильным грохотом вывалилось полено – одно из тех, что я притащил сегодня. Я сел и протер глаза. Через приоткрытую ставню светила луна, и я смог разглядеть валяющееся полено. Часы на стене пробили час ночи. Ничего не понимая, я оглядывался по сторонам, затем не выдержал и включил свет.

«Что за дела? Я помню, что ставни не открывал, да и никаких часов на стене не было! То ли это я стал лунатиком и сам все это натворил... Хотя часы... может, я их выкопал где-то тут случайно, пока лунатил?» Версия выглядела маловероятной. Однако входная дверь все так же была закрыта на задвижку, а ставни можно было открыть только изнутри.

Ничего не понимая, я лег снова. На этот раз свет решил не выключать. Вокруг царили тишина и покой. Даже дождь, кажется, прекратился. Хотя нет, тишина была не абсолютная, слышалось тиканье настенных часов. Как же они могли там оказаться? Даже если бы я их туда повесил, то как сумел бы их завести?

Я устался на потолок. Гладкий, полированный, обитый фанерой с приятными рисунками, созданными самим деревом, он успокаивал. Что было весьма полезно, учитывая странные вещи, которые мне привиделись. Однако теперь сон никак не шел.

Через некоторое время я снова сел на кровати и осмотрелся. Только сейчас, случайно бросив взгляд на грудь, я заметил на ней красные отпечатки ладоней. Как обычно, сначала я постарался все объяснить логически: «Видимо, я спал на животе, подложив под грудь руки». Однако прошло довольно много времени, все следы от сна должны были пройти. Кроме того, когда я попробовал приложить свои ладони к отпечаткам, сразу понял: отпечатки раза в два меньше по размеру. Ну не могли же мои руки уменьшиться вдвое!

Я прошелся по комнате, заглянул за печку, положил выпавшее полено, поглазел по сторонам и снова сел на кровать. Ничего необычного. Часы бумкнули два часа ночи.

«Надо все же попробовать поспать. Утро вечера, как говорится, мудренее». Я выключил свет и лег. Через некоторое время, прислушиваясь к тишине, я начал дремать, а затем и совсем уснул. Что мне снилось на этот раз, я не помню.

Утро началось с петушиного крика. Сначала один, потом другой, затем третий. Кошмар! Да как тут в деревне вообще спят? Это я кукареканье хорошо слышу, а уж те, кто рядом находятся, и подавно. Хотя ко всему можно привыкнуть: мы, городские, привыкаем к движению транспорта под окнами, а деревенские наверняка уже давно привыкли к петушиным крикам.

Вскоре новые звуки, ворвавшиеся в мою дремоту, дали мне понять, что я ошибаюсь. Никто к петушиным крикам тут не привыкал – для всех они как будильник работали. Вот и теперь местные жители уже выгоняли коров на дорогу, где их должен был собирать в стадо пастух. Теперь коровье мычание и блеяние коз разнообразило мой сон.

Я как-то не думал, что на пастбище стадо проходит недалеко от дедушкиного дома. В общем, сон как-то не получился. Провалившись в кровати еще часик, я не выдержал и встал. Было всего восемь часов утра. Кошмар! В деревню я поехал не только для того, чтобы проверить дом и участок, но и отдохнуть, а как тут отдохнешь при таком раскладе?

Печка была еще теплая. Я слегка разогрел на ней тушенку и вареную картошку, привезенные с собой. Получилось очень даже вкусно. Странно, конечно, но нормальная русская печь просто чудеса творит с едой. Помню, еще в детстве, когда дед угощал меня кашей из печи, я просто не мог оторваться от такой вкуснятины! В то время как дома я кашу на дух не переносил.

Быстро одевшись, я выбрался наружу. Уличный рукомойник оказался полным. Там-то я и помыл посуду, однако в дом воду еще надо было принести. Но первым делом я решил осмотреть теперь уже свои владения.

Вчерашняя мрачная атмосфера рассеялась. Вокруг, если можно так выразиться, бушевала осень. Деревья в дедушкином саду играли различными красками, мягкий ковер из опавших листьев приятно пружинил под ногами. Что тоже было весьма удивительно, учитывая, какой сильный дождь шел вчера (я-то думал, что сейчас начну проваливаться в грязь по пояс). Я медленно шел, вспоминая детство и свои впечатления.

Сколько тут было соток? Я никак не мог припомнить: десять?.. Пятнадцать? А, неважно – главное, что места было очень много. Дом и сарай занимали не такую уж и большую территорию, как могло сначала показаться. Еще здесь был колодец, рукомойник, уличный верстак да две компостные кучи. Все остальное пространство, кроме дорожек, конечно, занимали различные растения. Тут были кусты крыжовника, различные сорта смородины, грядки с клубникой и земляникой, картошка (куда же без нее).

Картошкой был засажен довольно большой участок земли. «Надо будет проверить пару кустиков: есть там клубни, или все в ботву ушло». Вокруг также росло много деревьев. К сожалению, все виды я идентифицировать не мог, разве что с яблоками никаких вопросов не возникало, потому что они еще держались на ветках, тяжело свисая почти до земли.

В общем, все было приятно, ухожено и цивилизовано. Единственное, что настораживало: почему все свободные места не заросли каким-нибудь бурьяном? Ведь за участком полгода никто не ухаживал! В растительной жизни я разбирался не очень хорошо, поэтому, задав себе вопрос, решил, что причины мне неведомы, и не стал больше заморачиваться.

Недалеко от наших владений протекала река. Как ее там? Пехорка, кажется, – стал вспоминать я. В этом не было ничего удивительного: когда-то наш дом был баней, поэтому совершенно естественно, что он находился недалеко от реки. Иначе люди не натащались бы тогда воды!

До речки я дошел, чтобы посмотреть на нее поближе, но был слегка разочарован. В детстве она казалась мне раза в четыре шире. Сейчас же она выглядела очень большим ручьем. А ведь это после сильного дождя!

Исследовать сам дом я решил попозже. Надо было навеститься в деревню. Во-первых, людям показаться (лучше это было сделать самому, чтобы никто не подумал, что в доме на отшибе поселился чужак), а во-вторых, надо было еще продуктами закупиться. Что я с собой мог привезти? Батон хлеба, несколько домашних заготовок в виде жареных котлет и вареных сосисок да немного макарон и картошки. На этом долго не протянешь, а здесь я рассчитывал побыть минимум недельку.

Дорога в магазин пролежала через центральную улицу. Так что мне пришлось выдержать немало внимательных взглядов, прежде чем я оказался в магазине.

Снаружи тот выглядел как новенький: белый, явно недавно покрашенный, железом обитая дверь. Однако внутри все оказалось не так прилично. Обшарпанные стены, всё какое-то потертое, но чистое. За магазином явно следили, хотя денег на нормальный ремонт, судя по всему, не хватало.

У кассы стояло всего три человека. Как только я вошел, разговор, который вела сухая маленькая старушка с пышнотелой продавщицей, сразу заглох. Все молча уставились на меня. Я поначалу даже опешил и остановился в дверях, собираясь с мыслями, но затем сумел поздороваться и подойти к прилавку. Посетители нехотя ответили на мое приветствие, и только одна продавщица слегка повеселела, увидев меня.

– Ты чей таких будешь? – спросила она, рассчитываясь тем временем с предыдущим покупателем.

– Вообще-то свой, – улыбнулся я и рассказал про деда.

В деревне не принято ничего скрывать, как я понимал, поэтому выложил все без утайки: что дед мой помер, поэтому теперь я хозяин дома и участка, и что приехал я пожить здесь немного, осмотреться.

После моего объяснения взгляды деревенских жителей немного подобрили, а сами они расслабились.

– Хорошим человеком был твой дед, – сказал крепкий мужичок с красным пакетом в руках и пожал мне руку. – Жаль... да, очень жаль...

Непонятно, кого он жалел – то ли меня, то ли деда, но я не стал уточнять.

– Дед-то хороший был, – неожиданно скрипучим голосом сказала старушка, принимая пакет из рук продавщицы. – Однако дом его плох, ой как плох.

– Ну не скажи, Петровна, – не согласился мужичок. – Нормальный дом, как у всех.

– А ты там бывал у него?

– Бывал!

– И часто?

– Ну, так, как принято в гостях. По ночам не сидел, конечно.

– Вот то-то и оно. В том доме всякая чертовщина может случиться. – Старушка повернулась ко мне: – Еще давеча на прошлой неделе печка в твоём доме дымила, не ты ли навещался?

– Нет. – Я удивленно пожал плечами.

– Вот то-то и оно, – повторила она. – И чужаков здесь никто не видел. Кто бы это мог быть?

– Чур меня, – перекрестился мужик (а женщина, стоявшая за ним, три раза сплюнула через левое плечо). – Может, дед неуспокоенный ходит?

От таких слов как-то сразу повеяло холодком. А может, виновата была девочка, вбежавшая в магазин и забывшая плотно прикрыть за собой дверь.

– Что ты ерунду болтаешь? – возмутилась бабка. – Дед уже на небесах давно с Богом чай пьёт. Это в доме какая-то нечисть поселилась. – Она снова повернулась ко мне: – Помяни мое слово: тот, кто в доме том живет, еще себя покажет.

– Так что же теперь делать? – спросил я не своим голосом.

– Тебе решать, – уклончиво ответила бабулька. – Дед твой смог ужиться – может, и ты сумеешь. Он был умный мужик, наверняка не зря именно на тебя дом записал.

Она расплатилась, кивнула всем, посмотрела пристально мне в глаза и вышла, оставив меня в полном недоумении.

Вскоре разговоры снова вошли в свое привычное русло. Я не слушал, о чем разговаривали продавщица и мужик, да мне как-то теперь все равно стало. Неужели с домом и вправду что-то не так?

– Что будете брать? – осведомилась продавщица, выведя меня из задумчивости.

Я быстро стал шарить глазами по прилавку и полкам, судорожно вспоминая, зачем же сюда пришел. Видя мое замешательство, женщина улыбнулась и сказала:

– Не переживай так. Петровна – она себе на уме. А так, может, домовый в твоём доме поселился: поставь ему молочка на ночь с хлебом, авось и задобришь его.

Следуя ее совету, я прикупил и молока, о котором вначале даже не думал. Основательно нагрузившись продуктами, я отправился в обратный путь.

Дома все было по-прежнему. Оставив продукты на веранде, я зашел в комнату. На стене мирно тикали появившиеся ночью часы, а в печке уютно потрескивало несколько поленьев. Я остолбенел.

Вот теперь мне было абсолютно ясно, что здесь творилось что-то неладное. Я дрова в печку не клал и не поджигал их. Тихо взяв в руки кочергу, маленькими шагами, постоянно держа себя наготове, я начал перемещаться по комнате.

Дойдя до часов, я решил проверить, как же их повесили, но, как ни старался, снять их со стены никак не получалось: они будто вросли в стену. Подивившись, я продолжил изучать обстановку.

Я заглянул в каждую щель, потрогал каждое бревнышко на предмет потайного хода, но ничего подозрительного не нашел. Оставался еще чердак и подвал. Начать я все же решил с подвала, чтобы, если этот некто сидел там, не мог выбраться из дома, пока я лазил на чердаке.

Однако, включив свет в подвале и хорошенько его осмотрев, не сходя с маленькой лесенки, ведущей вниз, я решил дальше не лезть. «А вдруг этот кто-то спустится и хлопнет меня в подвале – что потом делать? До деревенских еще попробуй докричаться!»

В принципе, подвал хорошо просматривался и отсюда. Я увидел множество банок с разносолами, вермишелью и макаронами, с крупами (дед так спасал продукты от крыс и мышей), пару дубовых веников для бани и больше ничего и никого подозрительного. Хотя... интересно, зачем дед хранил тут эти веники? Разве в подвале они не испортятся? Но долго раздумывать я не стал и отправился по скрипучей лестнице на самый верх.

Чердак представлял из себя склад какого-то стройматериала. Рубероид, доски, стекловата. То ли это все осталось после ремонта крыши, то ли лежало тут про запас. Но слой пыли, лежащей повсюду, говорил о том, что тут явно очень давно никто не бывал.

В полном недоумении я спустился вниз. «Но кто же тогда? Может, деревенские шутят? Дверь-то на замок я, так же, как и дед, не закрывал, да и не было тут замка отродясь. Нечего у деда брать – вот он и не боялся, а может, доверял всем. Точно сказать не могу. Мне вроде как бояться тоже некого, да и нечего, но как понимать все происходящее?»

Я сел на кресло-качалку и посмотрел на огонь. Приятно, душевно, но... непонятно.

Раз печка и так была разогрета (я вообще-то собирался воспользоваться электрической плитой), то я использовал ее для приготовления обеда. Пока варился суп, я принес пару ведер воды, а затем прогулялся к картошке и выкопал пару кустов. Клубней оказалось довольно много, с каждого практически по ведру собрал. А сколько кустов еще оставалось? И не сосчитать! С этим надо было что-то делать. Не оставлять же пропадать такое богатство!

Хорошенько перекусив, я прилег почитать книгу, однако посторонние мысли, совершенно не собиравшиеся покидать мою голову, не давали сосредоточиться. Помучившись минут десять и поняв, что при таком раскладе мне не осилить и страницы, я отложил книгу и пошел осматривать маленькую комнату.

Крышка одной из кроватей поднималась, и в этой нише я нашел старенький телевизор. Во какие дела! Не помню, когда это дед им обзавелся, но это и неважно было. И я решил попробовать его настроить.

К телевизору прилагалась небольшая комнатная антенна, так что попытаться стоило. Покрутившись туда-сюда, я наконец сумел поймать три центральных канала. Показывали очередные убийства и преступления – какими же далекими и незначительными они казались отсюда!

Мне надоело пялиться в экран, и я пошел прогуляться к реке. Солнце стремительно катилось за горизонт, погружая все вокруг в темноту, так что времени на любование местной природой у меня было немного. Постояв и посмотрев на плывущие по течению листья, я пошел к дому. День подошел к концу.

Странно: вроде бы ничего не делал – и куда только весь день девался? Посмотрев на звезды, которые светящимся ковром заполнили все небо, я отправился в дом. Тщательно закрыв дверь, присел на кровать и включил телевизор. Меня хватило всего на полчаса, после чего глаза стали сами слипаться.

– Э, нет, не будем уподобляться тем, кто спит под работающий телевизор, – сказал я вслух и разобрал постель.

Уже раздевшись и взявшись за одеяло, я замер. «Что там мне говорила продавщица? Молока с хлебом?» Немного подумав, я махнул рукой и встал. «Что я делаю, что делаю!.. На дворе двадцать первый век, а я молоко домовому ставлю!» Несмотря на такие мысли, от своего намерения я не отказался. Вскоре миска молока с кусочком хлеба стояла неподалеку от печки, а я мирно лежал в мягкой теплой постельке.

Разбудил меня неожиданный грохот. Затем что-то стало хлестать меня по лицу. Я отбивался, как мог, закрывал лицо руками, но справиться с нападавшим долгое время никак не получалось. Попытался встать, но неведомая сила бросила меня обратно на кровать.

Казалось, что избиению не будет конца. Напоследок, теряя последние силы, я услышал: «Этот дом мой!» И все прекратилось.

В изнеможении я лежал на кровати и никак не мог отдышаться. Затем провалился в какой-то бестолковый неприятный сон. Утром, с петухами, я встал полностью разбитый.

«Что же это было?» Голова трещала и плохо соображала. В печке опять горел огонь. Приподнявшись, я почувствовал, как с меня что-то посыпалось. Это были дубовые листья. С трудом встав с кровати, я, пошатываясь, добрел до маленького настольного зеркала и посмотрелся в него.

«Кошмар!» – только и смог я ужаснуться, глядя на свое лицо. Оно опухло, было красным, все в кровоподтеках, синяках и царапинах. «Хорошо хоть глаза уцелели», – решил я и пошел умываться.

Холодная вода слегка привела меня в чувство и остудила голову. Стало намного легче. Вернувшись в комнату, я чуть не наступил на перевернутую миску с разлитым молоком. Кусок хлеба вообще лежал почти на другом конце комнаты. Молоко практически все или просочилось сквозь щели в подвал, или испарилось. Подняв миску и осмотрев ее со всех сторон, я отнес ее на веранду – потом помою.

Вернувшись, я собрал все дубовые листья и сжег их в печке, после чего приготовил яичницу и с аппетитом умял ее за обе щеки. Теперь можно было снова почувствовать себя человеком.

Ночное нападение переходило всякие границы. Кто мог претендовать на этот дом? Кому я мешал? Неужели домовому? А может, это все же люди постарались? Так как знакомых в деревне у меня не было, я решил обратиться к продавщице – она вроде бы отнеслась ко мне доброжелательно. Но ходить с таким лицом по всей деревне... А что было делать? Ждать, пока все следы ночной борьбы исчезнут с лица, было нельзя: следующую ночь я мог и не пережить.

В магазине пришлось немного подождать, прежде чем продавщица освободилась и магазин опустел. Допросами с пристрастием я никогда не занимался, поэтому начинать разговор было сложно. Но мысль о том, что сейчас могут прийти еще покупатели, подстегнула. Мы обменялись приветствиями, и я сразу перешел к сути дела.

– Кто-нибудь был заинтересован в получении дедушкиного дома?

– Зачем? – искренне удивилась продавщица. – Что-то вы сегодня плохо выглядите.

– Да с колючими кустами возился, поцарапался нечаянно, – попытался отговориться я несколько неуклюже. – Просто мне показалось, что кто-то хочет меня выселить и завладеть домом.

Продавщица думала некоторое время, прежде чем ответить.

– Мне никто в голову не приходит. Пойми меня правильно. – Она попыталась улыбнуться, но как-то натянуто. – Дом твоего дедушки большинство наших жителей обходит стороной. Ведь он был построен из бани.

Она замолчала. Создавалось впечатление, что этот ответ должен был расставить все точки над «и», но я ничего не понял.

– Простите, что-то я...

– Баня – это нечистое место. Там можно только мыться – и всё. Туда даже заходить лишний раз не стоит, не то что жить. – Она понизила голос: – Там может водиться нечисть.

В воздухе повисла тишина.

За дверью послышались тяжелые шаги. Я понял, что пора заканчивать разговор.

– Спасибо. Извините, что к вам обратился, но больше спросить мне не у кого.

– Все нормально. Только будь осторожен. – Женщина улыбнулась мне.

Заскрипела открывающаяся дверь.

– Спасибо, – еще раз сказал я и направился к выходу.

Поздоровавшись с вошедшим мужчиной в высоких резиновых сапогах, я выскользнул наружу и быстрым шагом пошел домой.

Голова гудела. «Ну что за ерунда!» Объяснять все неприятности вмешательством нечисти мне казалось неправильным, но и реального объяснения я не находил. «Что ж, попробуем что-нибудь придумать».

Прежде всего я решил, что мне надо проветриться, и прогулялся в лес, а для этого облачился в старые дедушкины штаны и толстую куртку – свою-то обычную одежду жалко было пачкать. Далеко уходить я побоялся: все же в лес я в последний раз заглядывал очень давно. Места вокруг, может, и не сильно изменились, но сильно изменился я.

Погуляв неподалеку и умудрившись набрать небольшую корзинку белых и подберезовиков, я вернулся домой. Не будучи специалистом в области приготовления грибов, я решил их отвезти домой родителям, которые точно знали, как с ними обращаться. А пока грибы отправились в подвал – в это время года он заменит хороший морозильник. Но вот что делать дальше?

В печи опять горел огонь.

– Слушай, так ведь дров не напасешься! – неожиданно сам для себя воскликнул я.

– Не твое дело!

Я еле-еле разобрал слова и совсем не понял, откуда они донеслись.

– Кто здесь?.. Тут кто-то есть? Выходи! Давай поговорим!

В ответ только тишина.

– Ну почему нельзя просто договориться?

Дров за печкой стало заметно меньше. Вздохнув, я притащил еще поленьев, вновь забив освободившееся место. Тут же одно из поленьев вывалилось и грохнулось на пол. Я положил его – и вновь падение. Пожав плечами, я поставил полено рядом, затем внимательно поглядел за печку, но ничего подозрительного не обнаружил.

«Может, и правда домовая озорничает?» – пронеслось в голове. Как-то не верилось.

В подвале я нашел пакет муки, который и решил использовать перед сном. В кровать к себе я положил тяжелую палку и фонарик: палка подойдет вместо бейсбольной биты. Затем посидел, почитал книгу. Как ни странно, но сегодня вечером я был практически спокоен. У меня был план, а значит, была надежда на разрешение ситуации.

На дворе быстро темнело. Выйдя во двор и поглядев напоследок на звезды, я запер дверь и вернулся в комнату. Луна слегка подсвечивала ее через окна, что было весьма кстати – жаль только, что до полнолуния все же было еще далеко.

Для начала я свернул ковер: не хотелось его портить. Затем выключил свет и начал рассыпать муку по полу, постепенно отступая к кровати. Теперь злоумышленник не сможет подойти ко мне так, чтобы не наследить. А следы – это уже что-то вещественное, а не какая-то там чертова сила.

Я лег. Теперь предстояло не заснуть. Уже лежа под одеялом, я незаметно сунул себе в рот заранее приготовленную бодрящую таблетку (с большим содержанием кофеина). Еще во время учебы в институте мне говорил о них друг, когда мы к сессии готовились, и пару раз они меня выручали. Поэтому теперь я всегда брал такие таблетки с собой – на всякий случай. Кроме того, собираясь в деревню, я взял с собой некоторые медикаменты для оказания первой помощи.

Я лежал на спине, слегка повернув голову в сторону печки. Таблетка явно действовала – хотелось встать, чем-нибудь заняться, но я себя сдерживал. Нужно было успокоиться, притвориться спящим.

Часы пробили одиннадцать. Ничего не происходило. Становилось скучновато. Неужели так и придется всю ночь проваляться без толку? Луна постепенно двигалась по небосводу, свет в комнате слегка менял свое направление. Вскоре дальний угол стал почти совсем черным, свет оттуда ушел.

«Если так пойдет дальше, то темнота полностью накроет всю комнату, а фонарик пока включишь...» От долгого бездействия мысли начали принимать не самый радостный оборот.

Двенадцать часов. «Вот и полночь».

За печкой послышалось легкое, еле слышное шуршание. «Мыши?»

Глаза я старался держать прикрытыми, притворяясь спящим, но легкое движение краем глаза все же заметил. Маленький сгусток темноты переместился к печке.

«Уже и тут нагадил», – еле слышно пробурчал кто-то.

Что произошло дальше, я не совсем понял. Появилось легкое свечение, и рассыпанная мука как бы ушла прямо в пол. Я сам не понимал, как все это сумел рассмотреть – может, таблетка обострила чувства, а может, сработали еще не понятные нам законы. Но дальше последовали еще более удивительные вещи.

В пятно света попал человечек. Да-да, именно человечек. Руки, ноги, голова – все на месте, но был он очень маленьким: может быть, мне по колено, а может, чуть выше.

Не прошло и минуты, а он уже раскатывал ковер. Затем забросил пару поленьев в печь, слегка поежился и повернулся ко мне. Мне показалось, что он заподозрил неладное, но затем отвернулся и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся с двумя вениками: видно, взял их из подвала.

Самое интересное, что все эти действия он совершал совершенно бесшумно. Просто удивительно! Ведь крышку в подвал надо было поднять, слезть вниз, взять веники. Для такого маленького человечка это должно было стать сложной задачей.

«Домовой? – думал я. – Сомнительно. А вдруг это дедушкин дух? Правда, он вряд ли стал бы так говорить. Но кто знает, как меняются люди после смерти?»

– Пора окончательно с тобой рассчитаться, мальчишка, – злобно прошипело существо и направилось ко мне.

– Дедушка! – Я резко сел на кровати и пристально уставился на существо.

– Что? – Существо удивилось и замерло на месте.

А я забыл про все на свете – и про палку, и про фонарик.

– Дедушка, это ты? Ты же умер! Не узнаешь меня? Это я, твой внук! – Я говорил и говорил, даже спустил ноги с кровати, но тут существо сказала:

– Стой!

Сказало вроде бы тихо и спокойно, но чувствовалось в этом слове скрытая сила.

– О каком дедушке идет речь?

Я сбивчиво рассказал, кто я и почему тут оказался.

– Да-а... – протянул он. – Это многое объясняет.

Он помолчал.

– Разочарую тебя: я не твой дед.

Затем он подошел к стулу и незаметно оказался уже сидящим прямо на сиденье.

Сам собой включился свет. Теперь мне была предоставлена возможность рассмотреть странное существо. Это оказался маленький, тщедушный на вид старичок – кожа да кости, с редкой бородкой до пупа и короткими прилизанными волосами. Существо было бы совсем голым, если бы не юбка (или шорты, а может, портки какие-то), состоящая из дубовых листьев. Веники он положил прямо на стол.

– Ты домовой? – наконец решился я на вопрос.

– Тьфу на тебя! – сердито сплюнул он. – Что вы все заладили: домовой да домовой. Ты где находишься?

– В доме. – Я недоумевал, к чему это он.

– В каком доме?

– Обычном, деревенском.

– И чего же тут обычного?

– Ну... стены, пол, печка... – начал перечислять я.

– Ты разве не помнишь, что послужило основой для всего дома?

– Баня... – выдохнул я.

– Вот то-то. Баня! – Он заметно повысил голос: – Банник я, БАННИК!!!

Банник сурово посмотрел на меня, но, видя мое изумленное молчание, чуть смягчил свой взор.

– Ты городской житель, я все понимаю, но шевелить мозгами и делать выводы, я надеюсь, вас еще учат?

– Учат. – Я согласно кивнул головой.

– Вот и догадался бы.

Я уж не стал говорить этому сказочному существу, что в сказки я не верю... Точнее, раньше не верил.

– Почему ты нападаешь на меня, что я тебе сделал?

– Давай-ка по порядку. – Он закинул ногу на ногу и стал объяснять.

К сожалению, всю его речь я, конечно же, не запомнил, но в общих чертах это звучало так: Жил себе и жил банник, бед не знал. Была у него своя баня, за которой он присматривал, которую любил. Но потом настали трудные времена. Баней перестали пользоваться. Холодно, грустно было, очень трудно жилось. Ни тебе помыться, ни погреться. И вот тогда появился мой дед.

«Я сначала был сильно обижен на него за ту ужасную перестройку, что он затеял, но затем мы подружились».

– Что, так вот просто взяли и подружились? – удивился я.

– Нет, совсем не просто! Первое время я много пакостей ему наделал. Но, как ты понимаешь, мы справились. – Старичок позволил себе грустно улыбнуться. – Думаю, ты не поверишь, но мне очень жаль, что дедушка умер... – Он надолго замолчал. – Не сумел я его уберечь. Я только помог ему сесть и... – Он не смог продолжать.

Я боялся нарушить тишину, боялся сказать хоть что-то – слишком уж переживал банник. Не знаю, сколько прошло времени, но он успокоился и сказал:

– Дедушка обещал, что этот дом будет принадлежать мне. – Он посмотрел на меня в упор. – Я не узнал тебя, хотя помню какого-то мальчика, что давным-давно приезжал к деду погостить. Что ж ты его бросил, когда вырос?

Я не знал, что ответить, только понуро опустил голову.

– Эх, никакой надежды нет на молодежь... Убивать я тебя не стану – родственник все же, но и доверия к тебе я пока не испытываю. Хошь как хошь, а дом мой! – Он стукнул по столу и сурово уставился на меня – видимо, ожидая возражений.

И тут меня осенило. Я понял, почему именно мне дед оставил этот дом. Ведь только я один в нашей семье интересовался всякой художественной мистикой и фантастикой, только я один был способен хоть как-то более-менее адекватно воспринять всех этих домовых, банников и остальных! У меня перехватило дух.

– Слушай! Знаешь... – начал я.

– Не знаю, – оборвал меня он.

– Дедушка все бумаги на меня оформил просто-напросто потому, что он не мог их оформить на тебя... – Я смело посмотрел баннику в глаза. – Если бы домом завладели мои родители, то они, скорее всего, его продали бы или другой дом построили – уж не знаю, а я могу оставить все как есть. – Я смотрел на него, но банник не проявлял никаких эмоций. – Человеческие законы не признают никаких сказочных существ.

– Сами вы сказочные, – буркнул он.

– Вы же от науки скрываетесь. Про вас, вон, только в сказках да в древних сказаниях и написано. Откуда же люди будут о вас знать?

– Так вот оттуда и будут, – не очень уверенно, но весьма ворчливо ответил банник.

– Не волнуйся...

– А я и не волнуюсь.

– Я не в том смысле. Пойми, я тебе очень уважаю, я люблю этот старый дом...

– Не такой уж и старый...

– Я сам не понимал, как скучал без него. Не знаю, почему я перестал сюда ездить?

– Глупый потому что.

– Может, ты прав. Но я буду следить за домом.

– Следить за домом буду я!

– Нет, не в том смысле. Я буду платить налоги, оплачивать свет и все остальное. Буду дрова покупать. Обеспечу дому все необходимое.

– Без тебя как-то обходились... – Банник бурчал, однако в этом бурчании уже звучали нотки сомнения.

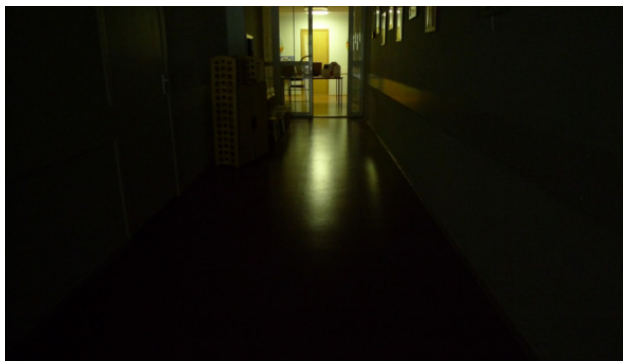
– Ты позволишь мне приезжать сюда иногда?

– Да пожалуйста. Раз деда своего не навещал, будешь меня навещать. – Он говорил, опустив глаза в пол, но затем резко поднял голову и уставился мне в глаза: – Но если ты вздумаешь хоть что-то сделать с домом или с участком без моего ведома – учти, я тебя найду! Весь свой век потрачу, но найду!

Я в знак покорности склонил голову.

Так мы с ним и договорились, скрепив наш договор полуночным чаем. Спать я лег уже на рассвете. И снились мне только хорошие, добрые сны.

Демон

Павел Сергеевич работал охранником уже более двадцати лет, а если быть точным, то двадцать три года, два месяца и двенадцать дней. Последние шесть лет он отработал в обычной средней общеобразовательной школе. И менять место работы совсем не хотел – тепло, светло, в столовой подкармливают – красота. А то, что дети иногда хамят, да с родителями легкие конфликты случаются – так это даже хорошо, будни разнообразятся.

Вот и сегодня был обычный, не обещающий ничего интересного вечер. Через полчаса после ухода последнего сотрудника Павел вышел на крыльцо школы, чтобы выкурить вечернюю сигарету. Когда-то он хотел избавиться от этой вредной привычки, но быстро передумал. Охраннику без курева никак нельзя. Как еще можно минуту-другую скоротать, особенно когда никого поблизости нет, а ты совсем один на объекте?

Заходящее солнце залило все небо ярко-красными тонами. Вероятно, Павел Сергеевич о чем-то подумал, глядя на небо (прищуренный глаз и скопившаяся у правой щеки слюна говорили именно об этом), но нам не дано этого знать, так как уже через пару секунд охранник сплюнул, вытер ноги о железную решетку и зашел внутрь, запирая дверь школы на ключ.

Всё, он отгородился от внешнего мира. Теперь вся школа была в его распоряжении. Впрочем, это на Павла никак не влияло. Когда-то, еще в молодости, он бы с радостью воспользовался возможностью обойти всю школу, заглянув в каждый уголок, чтобы ощутить всю силу одиночества. Но не теперь. Эти романтические годы давно прошли. Поэтому Павел просто забрался в свою каморку, включил маленький переносной телевизор и погрузился в созерцание очередного мордобоя. В первую рекламу он достал заготовленную еду, до второй рекламы успел все съесть, а на третьей уже сладко посапывал, даже не думая о том, что могут прийти с проверкой. Вечер заканчивался как обычно.

Ночью его разбудил непонятный шепот. Павел открыл глаза и посмотрел на шуршащий помехами телевизор. Затем рывком сел на раскладушке и прислушался. Шепот звучал не переставая. Охранник не мог разобрать слов, а жуткий холод, веявший от них, заставил окончательно стряхнуть остатки сна.

Нажать на кнопку и взять фонарик было делом нескольких секунд. Кто бы что ни говорил, но охранник из Павла Сергеевича получился неплохой. Да, мужчина любил поесть да поспать, но как только в дело надо было включать профессиональные навыки, он не медлил ни секунды. Оружия ему не выдавали, да и не положено оно ему было, однако травматический пистолет всегда был под рукой. Мало ли что – никогда не знаешь, что может пригодиться.

Павел выскочил из своей каморки и осмотрелся. Света от уличных фонарей вполне хватало, поэтому фонарик остался не включенным. Источник звука определить не удалось – казалось, что он был прямо в голове. По коридору, ведущему в сторону спортивного зала

и столовой, разливался бледно-красный свет. Павел поежился. Но делать нечего, надо идти проверять. Вначале он подумал о том, что это проказы школьников, но голос в голове мешал в это поверить. Слишком уж извращенно звучали слова, слишком холодно и страшно становилось на душе – такое никакая аудиотехника не воспроизведет.

Павел медленно двигался по коридору. Свет явно шел со второго этажа, но он был каким-то странным. Никакой свет не мог распространяться таким необычным способом. Но этот момент меньше всего занимал мысли Павла.

Дверь в спортивный зал оказалась открытой, к голосу в голове добавились голоса из зала. Охранник перехватил пистолет поудобнее и ворвался в зал. Увиденное повергло его в шок: три фигуры в черных балахонах стояли у светящегося круга, внутри которого была нарисована пентаграмма. Да и нарисована ли она? Горящие свечи, которые стояли, обозначая все ее углы, ни в коей мере не могли создать такой неприятный кровавый свет. «Как будто пленку проявляют», – почему-то подумалось Павлу.

Но шок шоком, а рефлексы сработали безупречно – мужчина даже сам не заметил, как направил пистолет в сторону незнакомцев. Те прекратили бормотание. Раздался громкий неприятный смех. Одна из фигур отошла от круга и направилась к Павлу.

– Стой, с-стрелять буду! – пролепетал он.

– Павел Сергеевич, неужели вы будете стрелять в обычного школьника? – фигура подняла капюшон.

– Виктор? – Павел удивился.

Этот парнишка всегда ему нравился: вежливый, спокойный, сменку не забывал, приходил вовремя, курить не бегал. Пистолет задрожал в руке.

– Не бойтесь, – между тем продолжал парень. – Все произойдет очень быстро, вы почти ничего не почувствуете.

Его голос обволакивал, забирал силы.

– Дайте мне это. – Виктор вытащил пистолет из руки охранника. – Он нам не пригодится. Тяжелый, громкий стук сообщил о том, что пистолет упал на деревянный пол.

– Идемте со мной.

Виктор взял Павла за руку и повел к светящемуся кругу. «Прямо как невесту», – несмотря на подавленную волю, Павел Сергеевич думал на удивление ясно. Его развернули к кругу спиной, вторая тень ударила охранника под колени, а Виктор помог упасть телу туда, куда требовалось. Ни одна свеча при этом не погасла. В руках парнишки блеснул нож.

– Извините, но это необходимо.

Ловкими движениями он вспорол сначала левый рукав рубашки, затем левую штанину. Двое его подельников вновь заговорили. Павел не мог разобрать слова, да еще и голос в голове стал набирать силу. Виктор присел на колени рядом.

– Скоро все кончится, Павел Сергеевич, еще совсем немного.

Парень осторожно провел рукой, убирая волосы со лба мужчины. Затем быстрыми точными движениями вскрыл ему вены на левой руке. Кровь потекла на пол... Нет, не на пол. Павлу удалось повернуть голову, чтобы увидеть, как струя крови по невидимому желобу направилась вон из круга. Его кровь так же светилась, и разглядеть ее не составляло никакого труда. Кровь устремилась куда-то влево, но недалеко – как только была достигнута какая-то граница, вспыхнул еще один круг, которого не было еще секунду назад. «Как же он сумел так появиться?»

Пока Павел думал, Виктор вскрыл вены на его левой ноге, и кровь так же потекла к появившемуся кругу. Когда второй поток вошел в круг, внутри произошла вспышка и проявилась пентаграмма. Виктор встал, набросил капюшон на голову и присоединился к общей молитве. Павел догадался, что звучала именно молитва, вот только молились ребята какой-то извращенной сущности. Имени того, кому они молились, он разобрать не мог.

Кровь медленно покидала организм охранника, и он ничего не мог с этим поделать. Павел подумал, что разрезы не такие уж и большие, что кровь может просто свернуться, закупорив рану, но какая-то сила будто вытягивала кровь из его тела. Он попробовал позвать на помощь, но получился лишь жалкий, еле слышный хрип. Силы покидали его.

«Почему они меня просто не добьют? – думал он. – Один удар по горлу – и всё, зачем такое издевательство?»

Резкий пронзительный крик сбил его мысли. Павел смотрел на соседний круг и видел, как в нем начало материализоваться что-то темное и ужасное. Тень принимала знакомые очертания. Охранник не знал, сколько времени прошло – может, несколько минут, а может, и часов. Тень стала реальной, а затем... повернула голову и посмотрела в глаза Павлу Сергеевичу. В этих глазах бушевал огонь.

Круг и пентаграмма под тенью перестали светиться. Демон поднялся. Он был как две капли воды похож на охранника. Вот только демонический взгляд ни с чем нельзя было перепутать. Павел хотел закричать, но не сумел. Ужас охватил всю его сущность. Ему грозила не смерть, ему грозило порабощение.

Демон захохотал и вышел из круга. Несколько шагов – и он уже рядом с Павлом. Ребята в балахонах склонились в низком поклоне. Все замерло, голос в голове затих.

Демон не стал произносить пафосных фраз, он просто прыгнул на Павла, полностью погрузив свое астральное тело в его физическое. Сознание Павла боролось несколько секунд, но затем было сломлено чужой волей. Демон пришел в наш мир.

Утром в школу поступила информация: «На пустыре найдены убитые школьники – Виктор Пахомов, Иван Прокудин и Григорий Ногов».

Вскоре выяснились подробности: ребята покончили жизнь самоубийством, причем весьма оригинальным способом: они по очереди вскрыли друг другу вены на руках, после чего умерли от потери крови. Дело было закрыто.

Демону не нужны свидетели.

Переселение

Ключ от домофона привычно скользнул в руку. Мороз неприятно холодил кожу, хотелось побыстрее попасть в дом и отогреться. Когда до подъезда оставалось несколько метров, в ушах раздался неприятный шум, как будто кто-то сбил настройку радиоприемника. От неожиданности я остановился и сделал шаг назад. Шум прекратился. Я снова пошел к подъезду.

Шум стал усиливаться, а затем, издав на прощанье резкий скрежещущий звук, исчез. Не успел я порадоваться, как перед глазами все поплыло, да так, что пришлось ухватиться за перила. Руку обожгло холодным железом, но даже это не сумело вывести меня из непонятного состояния. Дверь, до которой оставалось всего четыре ступеньки и пара метров, стала неясным размытым силуэтом. Я остановился, пытаюсь собраться с мыслями. Домофон запищал, сквозь размытую дверь вышло какое-то чудовище в одежде соседки, но с мордой раздувшегося крокодила.

– Здравствуйте, – голос соседки ничуть не изменился.

– Здравствуйте, – машинально ответил я и ринулся к двери.

Как у меня получилось проникнуть внутрь, честно говоря, я понять не сумел. То ли сквозь дверь прошел, то ли дверь была открыта и мне удалось проскочить, прежде чем доводящий механизм ее захлопнул, не знаю, но факт остается фактом – я стою перед лифтом... Точнее, перед тем, что когда-то было лифтом.

На меня смотрела темно-коричневая физиономия с ярко горящими зелеными глазами и плотно сжатой пастью. Морда, не мигая, изучающе смотрела на меня. Неожиданно пасть открылась, и из нее вышел жилец с верхнего этажа с доберманом. Он оказался лучом реальности в этом нереальном мире. Никаких изменений – каким мужик был, таким и остался, только собака как-то не по-собачьи глянула на меня и протопала мимо.

Сосед уже вышел, а пасть все не закрывалась, она явно ждала, когда я зайду внутрь.

«Ну уж нет, – твердо решил я. – Самому лезть в глотку какого-то чудовища? Увольте».

Резко повернувшись на пятках, я ринулся к лестнице. Сзади раздался то ли смешок, то ли хрип. Я не стал оборачиваться. Подниматься было невысоко, всего-то на третий этаж, и я надеялся быстро добежать до своей квартиры. Но не тут-то было.

Лестница, которая вначале казалась вполне нормальной, стала вести меня непонятным образом: она стала изгибаться, изворачиваться, и ближе ко второму этажу я с ужасом обнаружил, что иду вниз головой. Реальность перевернулась с ног на голову. Мозги отказывались верить в такое, но ноги продолжали выполнять свою работу, преодолевая ступеньку за ступенькой.

Самое интересное, что, находясь вниз головой, я не испытывал никакого дискомфорта, кроме морального, даже кровь к голове не прилиwała. «Может, все это мне чудится?» – пытался разобраться я, но пока ничего не получалось.

Но вот и моя лестничная клетка. Неприятная морда с первого этажа встретила меня и на третьем. Впрочем, это мог быть всего лишь брат-близнец того, что внизу. Я старался на него не смотреть.

Дверь вместе с лестницей не перевернулась, так что пришлось открывать ее в перевернутой позе. Скажу только одно: это было очень непривычно. Пока возился с замком, ключи вырвались из руки и упали... к моим ногам.

– Хотя тут повезло, – сказал я вслух.

Ведь до пола, который теперь маячил над головой, я мог и не допрыгнуть.

Наконец дверь была открыта, и я ввалился внутрь, будто отклеившись от потолка. Ввалился – поскольку моя квартира явно пока не подверглась никаким изменениям, и законы природы действовали в ней как обычно.

С пола я поднялся не сразу. Правое плечо, на которое пришелся основной удар, нещадно болело. Хорошо, что удалось не прямо на него упасть, а с перекатом, иначе перелома было бы не избежать. Но зато когда поднялся, я сразу почувствовал себя намного лучше.

Снаружи все было таким же необычным и перевернутым, но внутри ничего не изменилось. Я захлопнул дверь и закрылся на все замки. Затем не выдержал и заглянул в дверной глазок. Ничего необычного: никаких морд, никаких перевернутых лестниц.

Ничего не понимая, я прошел на кухню и налил себе из чайника воды. Затем умылся и включил телевизор. Все как всегда – пульт работает, телевизор показывает, свет включается, никаких непонятных звуков или действий.

– Может, это меня просто глюкнуло? – сказал я вслух.

Тут же эхо, постепенно затихая, продолжило фразу:

– Нуло, нуло, нуло...

По спине пробежал холодок. Предварительно убедившись, что на диване нет ни морды, ни зубов, я сел и уставился в телевизор.

Голова шла кругом, непонятно было, что и думать. Спрашивать у кого-либо совета совсем не хотелось, провести остаток своих дней в дурдоме я не торопился. Я пялился в экран, совсем не слыша того, что там происходило. Погруженный в свои мысли, я воспринимал лишь фон голосов ведущих. Неожиданно один из них мне улыбнулся и подмигнул.

– Да ну вас всех! – закричал я, выключая телевизор.

Эхо не замедлило повторить последний слог три раза.

На меня навалилась непривычная тяжесть, и стало клонить ко сну. Я тщательно закрыл все двери и завалился на диван в надежде, что сумею заснуть, а утром весь этот морок развеется.

Глаза слипались, но заснуть никак не получалось. Может быть, оттого, что спать лег на голодный желудок, не знаю, но, проворочавшись часа полтора, я устал бороться и открыл глаза. Темнота в комнате казалась непроглядной, даже часов со светящимся циферблатом не было видно.

«Странно...» Не успело это слово пронестись в моей голове, как дверь в комнату слегка приоткрылась. Не спрашивайте меня, как я это увидел, – не знаю. Но как только дверь приоткрылась, крошечная тьма ушла, превратившись в обычную ночь. Внутрь осторожно зашел

маленький человечек с зажженной спичкой в правой руке. Он немного поозирался, слегка скользнув по мне взглядом, и прошел к балкону. Дверь перед ним сама распахнулась, и человечек вышел. Ни дверь, ни балкон закрываться не стали.

Я лежал ни жив ни мертв. Очень хотелось встать и закрыть все двери, но толку-то? Балкон был закрыт на щеколду, а перед человечком открылся. Не успел я на что-нибудь решиться, как дверь распахнулась и внутрь стала вползать какая-то неприятная тварь. Ее я сумел хорошо разглядеть, так как сама она светилась каким-то внутренним светом. Все внутренности, нервные волокна, кровеносные сосуды – все было отчетливо видно. «Скорее всего, это какая-то разновидность слизняка», – подумал я.

Слизняк с большим трудом протиснулся на балкон и исчез. Вот теперь мне вставать точно расхотелось. После обычных слизняков остается такой неприятный след, а что же могло остаться после этого? В темноте ничего разглядеть не получалось.

Несколько минут ничего не происходило (хотя точно оценить время я не мог, поэтому будем их считать условными минутами – точнее, тем временем, которое прошло по моим ощущениям), и тут вдруг народ повалил целыми толпами. Кто-то шел в темноте, ничем не освещая свой путь. Одни держали в руке старинные фонари, другие несли факелы, а несколько совсем мелких созданий, не выше моего колена, бежали с высоко поднятыми зажженными спичками. Вот только спички эти совсем не прогорали.

Сколько это шествие продолжалось, сказать не могу. Считать я устал после первой сотни. Такого разнообразия непонятных существ я не то что никогда не видел, но даже и представить не мог.

За окном забрезжил рассвет. Я слегка расслабился. Скоро все это должно было завершиться. Сейчас во мне уже не было страха. Он появился вначале и держался несколько часов, особенно когда проходили совсем уж злобные и страшные твари, но сейчас я чувствовал себя совершенно спокойным. Тем более что поток посетителей вроде бы прекратился.

Я уже начал надеяться, что все закончилось, как раздалось кряхтение и появился согнутый годами маленький старичок с горящим огарком свечи. Он с трудом переставлял ноги, громко шаркая тапочками. Старичок зашел, затем аккуратно и совершенно бесшумно прикрыл за собой дверь и, как все, направился к балконной двери.

– Еще один переход совершен, – то ли радостно, то ли облегченно произнес он.

– Переход? – Слово как-то само вырвалось.

Старик остановился и уставился на меня. До этого еще ни одно из живых существ, пересекавших комнату, не смотрело мне в глаза. Чаще всего они или вообще не поворачивались, или лишь слегка проскальзывали взглядом. Тяжело дыша, старик долго и внимательно изучал меня. Я так же смотрел на него, ничего не предпринимая, только слегка приподнялся на локтях.

Неожиданно старик прыгнул и очутился у меня на груди. Что-то блеснуло в его руке, и через мгновение я оказался вдавленным в подушку с кривым ножом у горла.

– Как ты смог меня увидеть? – злобно прошипел старик.

С огарка капнул кусочек воска и прижег мне кожу на левом плече. Я вскрикнул.

– Я... Я всех видел, кто проходил по моей комнате.

Слова не хотели выдавливались из меня, да и нож, впивающийся в кожу, заставлял задуматься об осторожности.

Старик взял меня за волосы, немного отодвинул нож и повернул голову направо.

– Пять родинок... пронзенный треугольник... – пробормотал дед, затем удовлетворенно вздохнул и слез на пол. – Извини, я подумал, что ты из них.

– Кого «них»?

Я ничего не понимал, но ставший более дружелюбным тон старика принес облегчение.

– Тех, кто идет за нами и от кого мы бежим. Извини, у меня нет времени тебе объяснять. Наш народ скитается и ищет пристанище уже много столетий, но преследователи не дают покоя.

– Кто они?

– Я не хочу о них говорить... – Старик схватился за голову и закрыл глаза. – Мы сбиваем их со следа, переходим из одного мира в другой, но они всегда нас находят. Сейчас мы прошли через твой мир. Надеюсь, они не сразу сумеют найти этот проход... – Он почти завыл. – Чем дольше открыт проход, тем больше шансов, что нас обнаружат. – Старик отпустил свою голову и посмотрел на меня, его глаза горели ярким красным светом. – Бойся их! Если они хоть что-то заподозрят, то в живых не оставят. – Его взгляд потух. – Спасибо за проход. – Он отвернулся: – Мне пора.

– Я могу чем-то помочь?

Старик покачал головой.

– Вы еще будете здесь проходить?

– Нет. Теперь здесь пройдут только они. – Старик заторопился.

– А как узнать, что они придут? – Я вскочил с кровати.

– Ты узнаешь!..

Старик коротко кивнул и вышел на балкон. Через секунду дверь за ним закрылась. Когда я подскочил к ней, щеколда была на месте. Провозившись некоторое время, я выглянул на балкон: ничего необычного, все как всегда.

«Кто это был? Что они тут делали? От кого бежали?» Мысли роились в голове, перебивая друг друга. Я отчего-то очень устал за эту ночь – ничего не делал, а устал... Через минуту я уже спокойно спал на диване и смотрел интересные сны...

Проснулся я поздно, на работу серьезно опоздал, поэтому теперь уже можно было не торопиться. Сны, от которых я не сразу сумел отойти, наслоились на ночное происшествие, и я решил, что все мне приснилось. В комнате ничего не изменилось, все вещи были на своих местах, и никакого следа от слизи.

Я радостно пошел умываться. На работе, конечно, мне попадет, но убедиться в том, что вся эта странная ночь оказалась всего лишь сном, было бы очень приятно.

Раковина, зубная щетка, зеркало... Зеркало! Я увидел красный отпечаток на левом плече – ожог! Неужели это осталось от горячего воска? Я похолодел...

С тех пор прошло полтора года. Сегодня я возвращался домой, как обычно, и вдруг – снова этот противный звук. Теперь я ни с чем не мог его перепутать. Голову повело, дверь расплылась перед глазами.

«Опять? – пронеслось в голове. – Нет, не опять. Теперь это идут ОНИ. Те, кого так боялся этот странный старик».

Я лежу на диване в своей комнате и пишу эти слова. Страх гонит меня провести ночь в другом месте, но я не могу упустить такой случай. Кто такие «они»? Мне хочется это знать. Если все закончится хорошо, я напишу... кажется, дверь открывается... ничего не виж...

И приходит смерть

Вован и Серега отрывались по полной. Два друга встретились только вчера и теперь рассекали на огромной белоснежной яхте вдоль берега, звучно матерясь, хохоча во весь голос и прикладываясь к пиву. Бандиты, друзья детства. Как редко теперь они оказывались вместе. Один работал в Москве, другой в Питере, редко получалось встретиться, не то что вот так оторваться. Даже девчонок не брали, просто захотелось хотя бы разок побыть вдвоем, вспомнить былое...

Они сидели у штурвала, где Вован, как капитан, следил за движением яхты, своей любимой «Матильды». Как всё началось, ни тот, ни другой вспомнить уже не могли, но неожиданно справа от них появилась точно такая же яхта.

– Какого хрена? – взревел Вован.

Он точно знал, что ничего подобного на этом побережье быть не могло. Он специально выбирал свою ласточку, чтобы «не такую, как у всех». А тут такое издевательство!

На носу появившейся яхты стоял красавец-капитан. Почему капитан? Вован и сам не сумел бы точно ответить – видимо, все дело в форме и умении ее носить. А почему красавец? Да, Вован был любитель женщин, но даже он смог оценить, насколько красивым был неизвестный капитан – высокий, стройный, подтянутый, в белоснежной форме и капитанской фуражке.

– Эй, ты! – заорал Вован, уже накручивая себя. – Вали отсюда!

Чужая яхта, такая же белоснежная, но без всяких опознавательных знаков или названий, шла уже в каком-то полуметре от «Матильды».

– Ты что творишь?!

Капитан даже глазом не повел, все так же смотрел куда-то вдаль.

Вован не выдержал, вывалил пистолет из-за пояса и выстрелил четыре раза. Стрелял он неплохо, да и промахнуться с такого расстояния было очень сложно, но... На капитана эти выстрелы не произвели никакого впечатления. А яхты продолжали сближаться.

Сергей встал рядом.

– Смотри, его яхта неуправляема!

– Вот зараза! – только сейчас Вован обратил внимание, что за штурвалом второй яхты никого не было. – Штурвал! Крути руль!

От переполнявших его эмоций мысли в голове бандита перемешались.

Через мгновение яхты столкнулись. Вроде бы несильно, но на «Матильде» осталась глубокая вмятина и корявая содранная полоса, обнажившая металл из-под краски.

– А-а!!!

Вован и Сергей одновременно открыли огонь и перестали стрелять только тогда, когда обе обоймы стали пусты. Чужая яхта начала отставать, однако капитан ее так и не шелохнулся.

– Что за черт! – заорал Серега и побежал вниз.

Вован вообще отказывался думать – его бесила вся ситуация, он уже прокручивал в голове, как соберет ребят и найдет этого хмыря.

– Во, сейчас вломим! – Сергей выбежал наверх с гранатометом.

– Давай.

Вован злорадно улыбнулся: «Отличный парень Серега, всегда на него можно положиться».

Граната расцветила чужую яхту красивым радужным светом. Честно говоря, ни Вован, ни Серега раньше не замечали, что взрыв из гранатомета выглядит именно так...

Дым окутал и чужую яхту, и ее капитана. Друзья вскинули руки в победном жесте, но тут же замерли. Из дыма выплывала невредимая яхта, а капитан теперь уже явно смотрел в их сторону.

– Не может быть, – прошептал Вован.

Он никогда не верил во всякую мистику, души, волшебство и всю остальную хрень, но что происходило перед его глазами, объяснить совершенно не мог. Мозги отказывались принимать происходящее.

Теперь вражеская яхта явно шла на таран. А капитан... Сначала он повернулся к ним спиной, одним движением спустил штаны, показал свой голый зад, затем так же одним движением натянул штаны, повернулся и уставился на мужиков. Его взгляд испугал даже таких прожженных бандюганов, как Вован и Серега. Сколько раз они смотрели опасности в глаза? И не сосчитать. И всегда выходили победителями. Да, иногда с новыми пулевыми отверстиями в теле, порой и с ножевыми. Но все это была ерунда – так, игрушки. Однако сегодня они не смогли бы объяснить, что происходит, да и вряд ли кто-то на их месте сумел бы хоть что-нибудь объяснить.

Удивительным образом палуба под ними стала гореть, причем весьма странно: вокруг каждого из них обрисовался некий силуэт, который испускал какой-то неземной свет. Вован не умел подбирать слова и не пытался. Для него это был огонь – и все. Хотя если бы друзья смогли остановиться и спокойно рассмотреть это явление, то сумели бы различить небольшие язычки, напоминающие слегка дрожащее на ветру пламя. Но им было не до этого.

– К берегу давай! К берегу! – заорал Серега.

Вован и не спорил, резко крутанул штурвал. На бандитов накатил животный страх, от которого трудно было избавиться. Однако рефлексy друзей сработали, они почти синхронно отбросили пустые пистолеты и выхватили из тайника новые.

«Матильда» практически вылетела на берег, напугав с десяток человек. Что это были за люди, друзья и не пытались выяснять. Им было важно оказаться на берегу, подальше от этой чертовой яхты.

– Ушли? – Серега тяжело дышал.

– Кажись. – Вован дышал еще хуже. – Черт, нет, нет.

На асфальте под ними возникли горящие силуэты. На этот раз друзья не сразу бросились наутек, а пригляделись.

– Как в фильмах, когда полицейские труп обрисовывают, – выдавил Серега.

Вован согласно кивнул.

Так они стояли около минуты, когда асфальт под ними, следуя очерченному контуру, стал откалываться и обрушиваться куда-то вниз, в темную бездну. Бандиты почувствовали, что их начинает туда затягивать.

– Да что же это такое?! – взвыл Вован.

Они стояли в нескольких десятках метров от злополучного места, которое теперь ничем не напоминало о том, что только несколько секунд назад асфальт грозил полностью обрушиться.

– Не знаю... Смотри... – Серега показал дрожащим пальцем на приближающуюся фигуру капитана.

Друзья одновременно подняли пушки и выпустили по три пули. Капитан как будто ничего не заметил.

– Нам с ним не справиться, надо разделиться. Уходим.

Друзья успели крепко пожать друг другу руки и разбежались в разные стороны по узким итальянским улочкам.

Вован видел, что капитан переходить на бег не стал, поэтому рассчитывал быстро от него оторваться, но происходило странное: капитан не отставал. Вован чувствовал, что начинает задыхаться. Легкие горели огнем, еще немного – и ноги совсем откажут. Бандит увидел церковь и забежал в нее. «Может, хоть здесь чертовщины происходить не будет?»

В церкви никого не было – пустая она выглядела какой-то мрачной и страшной... «Страшной», – это слово Вован забыл еще в первом классе и до сегодняшнего дня не вспоминал, но теперь... он вспомнил, что это такое.

– Хо-хо-хо!

Вован чуть не подпрыгнул. Непонятно из какого угла вышел чертов Санта-Клаус – огромный детина в круглых очках и с большим красным мешком.

– Ты плохо вел себя в этом году, мальчик? – Санта-Клаус хитро улыбнулся, погрозил пальцем и направился к выходу.

У Вована так и чесались руки, чтобы выхватить пистолет и пристрелить наглеца, но что-то его удержало. Как только вышел Санта, вошел капитан.

– Стой! Нет, ты не можешь!

Вован бросился к правой стене, пробежал вдоль нее, обогнул капитана, вырвался на улицу и снова пустился во весь дух. Он уже и сам не знал, где находится – улицы, улочки, каменные дома – всё перепуталось. Один раз Вован попытался спрятаться, но как только вокруг него образовался горящий силуэт, сразу же выбежал из укрытия. Силы кончались... Точнее, они уже кончились. Бандит упал на каменную дорогу и с трудом привалился к стене какого-то старинного дома.

– Черт с тобой, бери.

Через мгновение из-за угла вышел капитан. Обессиленный Вован поднял пистолет и выпустил всю обойму. Безрезультатно. Однако погибать, как какое-то быдло, валяясь на дороге, он не хотел. Собрав все свои силы, Вован встал и стал ждать приближающегося незнакомца.

– Что тебе нужно? Кто ты?

Вован уже не обращал внимания на то, как под ним разверзается бездна. Капитан подошел и остановился от бандита в одном шаге.

– Кто ты? – Вован повторил вопрос.

– Твоя смерть, – просто ответил капитан и положил руку бандиту на плечо. – Всего лишь смерть.

– Говорят, что смерть дает ответы на все вопросы, – непонятно зачем вспомнил Вован.

– Кто знает. – Капитан пожал плечами. – Я не даю.

Он слегка нажал на плечо, и Вован почувствовал, как проваливается. «Странный конец», – только и успел подумать он, и его затянуло вниз...

Листья

Желтые осенние листья грустно кружились на ветру и мягко падали на землю. Нельзя сказать, что меня окружала мрачность и безысходность, которые обычно приписывают осени, но серый день с солнечными лучами, с трудом пробивающимися через облачную дымку, и правда мог навевать только грустные мысли. Впрочем, событий, о которых стоило погрузиться, мне хватало и так.

Прошло всего десять дней с того часа, как умерла моя жена. Алена покинула этот мир так неожиданно и непредсказуемо, что я никак не мог с этим смириться. Да и кто сумел бы? Всего пять лет вместе прожили – молодые люди, жить да жить... Видеть никого не хотелось. Бросил все, взял отпуск и укатил на дачу.

Алена умерла во сне. Оторвался тромб – и все. Думаю, она даже не заметила этого. Ее лицо так и осталось спокойным и умиротворенным.

Говорят, что сорок дней душа остается на земле. Не очень-то я верю во все это, но сорок дней побыть подальше от всех, а мыслями с самим собой и с Аленой – вот что мне было нужно и к чему я стремился. Тяжкий груз потери сдавливал грудь, стоило только подумать о любимой. То, что ее уже не было в физическом плане, еще не значило, что ее не было рядом со мной, пусть хотя бы и в мыслях.

А листья все кружились и падали. Бесконечные, бесконечные листья. И откуда они берутся в таком количестве? У меня возле дома и деревьев-то раз – и обчелся, да и клена никогда не было. Разве что у соседей где-то на углу рос, но на моем участке этих листьев валялось огромное количество. Наверное, стоило бы удивиться, но как-то не получалось. Совсем другие мысли в голове крутились. Сейчас я жил прошлым. Такое состояние понятно тем, кто побывал в похожей ситуации, и непонятно тем, кто никогда никого не терял.

Еды хватало. Чтобы сильно не возиться, я готовил большую кастрюлю, а затем ел приготовленное два-три дня. Только чай заваривал заново да хлеб доставал из холодильника и грел в микроволновке. Все отведенное время, конечно же, я бы продержаться без покупок не сумел, но до посещения магазина можно было подождать. Развлечений мне не требовалось. Хватало и телевизора, который я включал только изредка, чтобы не забывать человеческий голос. Все остальное время меня занимали раздумья и созерцание увядающей природы. Как же все совпало – смерть и осень.

Ночью шуршание листьев успокаивало и навевало что-то приятное и родное. Несколько минут я слушал их, а затем погрузился в сон. Мне опять приснилась Алена. Она летала надо мной и не давала до себя дотронуться, как я ни старался, как ни прыгал. Любимая только смеялась и отлетала в сторону.

Утром вставать совершенно не хотелось. Зачем вставать? Что делать? Какая разница – лежишь ты в кровати, сидишь на крыльце или же бродишь по дачному участку? Размышлять и вспоминать можно было в любом месте одинаково. Или же...

– Ладно, ладно, встаю...

Опавшие листья – вот что привлекало внимание. Их уход из жизни как-то сочетался с уходом Алены.

Я заставил себя поесть гречки с мясом, а затем сел на диванчик на крыльце с чашкой горячего чая и стал наблюдать за листьями. За ночь их нападало такое количество, которого я раньше никогда не видел. К большим кленовым листьям добавились и желтые листья тополей. «Откуда вы только беретесь?» Если клены поблизости еще росли, то тополей я нигде не видел. Они все в Москве обитали, причем на каждом углу, а тут что в лесу, что на участках тополей не было отродясь.

– Странно все это. – Я потер прилично отросшую бородавку. – Собрать вас всех, что ли, да поджечь?

Думаю, что благодаря сухой погоде листья вспыхнули бы от одной спички. Однако и пожар тогда мог распространиться на всю округу. Такое ведром воды не затушишь.

Почему-то захотелось немного подвигаться, поработать. Чашка с остатками чая тут же переместилась на широкие перила, а я спустился по ступенькам и побрел к садовому домику, ногами раскидывая листья. Тот стоял с противоположной стороны участка – в нем была мастерская, хранился инструмент и тому подобное.

Сначала я снял замок, который висел там лишь номинально и не был защелкнут, а затем стал искать грабли. Были у нас такие, только в прошлом году купленные, очень удобные, листья ими собирать – одно удовольствие: ничего не застревает, отлично все сгребается...

Граблей не оказалось.

– Что за черт?

Минуты через две поисков вспомнилось, что эти грабли были брошены прямо на землю еще дня три назад. Кажется, меня тогда тоже посетила идея немного поработать. Как только вспомнил про грабли, вспомнил и место, куда они были брошены.

Обилие листьев напрягало. Я уже погружался в них почти по колено. Ситуация складывалась весьма необычная.

– Нет, так не пойдет. Скоро я совсем тут утопну.

И тут же подумал: «Впрочем, может, оно и лучше было бы тут утонуть, похорониться под листьями, и дело с концом».

На улице грабли также найти не получилось. Я перевернул листья в радиусе пяти метров – но ничего, совершенно ничего. Под листьями оказалась только земля, даже ни одной травинки, ни одного растения. Грабли исчезли.

– Листья, что ли, грабли стащили, чтобы я их не трогал?

Попытка пошутить провалилась – ни смеяться, ни улыбаться не хотелось.

Некоторое время я бродил по участку, пиная листья ногами. Что делать дальше, не представлялось. Собрать их руками? Как-то не хотелось. Несколько кучек я собрал ногами (учитывая огромное количество листьев, это сделать было не сложно). Но что дальше? Листопад не прекращался.

– Прямо бедствие какое-то.

О наводнениях, снегопадах я слышал, но о том, чтобы кого-то погребло под листьями – ни разу.

Рядом с небольшим парником должна была валяться перевернутая тачка. Сейчас на ее месте виднелся высокий холм из все тех же листьев. Я подошел и попробовал расчистить тачку, но, когда листья были разбросаны и показалась земля, стало совершенно понятно: тачка исчезла. Первая мысль: украли, а на месте специально соорудили горку из того, что было под

рукой. Но я ее тут же отверг. И надо было кому-то возиться?! Если бы украли, то вряд ли стали бы так мудрить.

– Странно.

Я осмотрелся, а затем вернулся в дом. «Интересно, что там в лесу творится? Или там больше всяких иголок, которые не осыпаются?»

Телевизор вещал о какой-то ерунде. Как всегда, ничего интересного. Незаметно подобрался вечер, а затем и ночь.

Перед сном я постоял снаружи, любуясь на звезды. Легкий ветерок крутил падающие листья, иногда даже казалось, что образовывались мини-смерчи, которые кружились три-пять секунд, а затем опадали. Я посмотрел на машину: бедняга была засыпана почти до дверей. Закрытый железный забор не давал посмотреть, что там творилось снаружи. Впрочем, мне и знать не хотелось.

И на этот раз сон пришел довольно быстро, однако утром я ничего не вспомнил. Создалось впечатление, что вроде и не спал. И в то же время в душе было ощущение, что сон был, причем очень хороший и приятный.

Если бы не мое разобранное состояние, то я наверняка пришел бы в ужас, схватился бы за голову или еще что – а все потому, что листьев заметно прибавилось. Теперь я мог бы провалиться в них до колена, если стал бы расчищать. Машина и парник скрылись под листьями полностью. Точнее, создавалось впечатление, что они облепили машину и парник со всех сторон. Ветра не ощущалось, но листья падали и кружились. Ясное небо и яркое солнце пытались поднять мне настроение, но это было бесполезно.

– Сейчас я тебе помогу.

Я пробрался к машине и попытался ее очистить. Как только удалось смахнуть первые листья, оставшийся холм обрушился, как будто держался на одном лишь воздухе, который я выпустил. Машина исчезла.

– Что за черт?

На секунду образ Алены даже вылетел из головы, но затем тут же вернулся обратно. Я обратился к ней:

– Видишь, что творится! Чувствуется, что скоро у меня все заберут.

Мысленный образ Алены улыбнулся.

Я пробрался к парнику – точнее, к тому, что пряталось под листьями. Эффект оказался тем же.

– Теперь я лишился и парника.

Неожиданно точно между домом и садовым домиком ветер взметнул листья вверх, образуя столб с меня ростом. Я завороченно смотрел за чудом природы и не мог пошевелиться.

– Что же это такое? Алена, ты видишь? Ответь. Твои знания теперь, должно быть, намного лучше моих.

Вдруг я заметил, что крутящийся подвижный столб из листьев принял человеческий образ.

Не то что слова, даже мысли исчезли. Я просто стоял и наблюдал.

– Привет!

Голос Алены вывел меня из необычного состояния. Теперь я видел, что столб превратился в мою жену. Она выглядела такой, какой я и помнил ее, только полностью покрытой листьями. Очень захотелось прикоснуться к ней, обнять, но в голове всплыл образ исчезнувшего автомобиля, который рассыпался с листьями.

– Ты хотел меня видеть? – Алена не двигалась, но протянула в мою сторону правую руку.

– Хотел. – Наконец-то с большим трудом я сумел выдавить из себя хоть какое-то слово.

– Подойди, не бойся.

– Ты не рассыплешься?

– Нет.

Я сделал несколько неуверенных шагов, затем остановился. С одной стороны, передо мной явно стояла Алена, но с другой... Что-то в ней было не то. Какие-то непонятные нюансы отвлекали, не давали целиком и полностью поверить в происходящее.

Я попытался сделать шаг, но листья закрыли меня уже выше колена, из-за чего ноги завязли.

– Иди ко мне. – Приятный завораживающий голос Алены добавил сил.

Я рванулся, вырвался из листьев и упал. Листья взметнулись вверх, полностью закрывая обзор. Когда они вновь легли на землю (точнее, на другие листья), Алены уже не было.

– Нет! – Я крикнул и начал кататься из стороны в сторону, закрыв глаза руками.

Слезы не лились, а душевная боль так сильно давила, что сдерживаться не получалось, и выразить свои эмоции как-то иначе я не мог...

Где-то вдалеке раздался крик ворона. Я очнулся. Меня окружала темнота. Чувствовалось, что-то залепило глаза, рот и уши. Несколько секунд я просто вслушивался в окружающее пространство, но ничего не происходило. Дальше я действовал как во сне: короткая возня, разбросанные листья, перемещение к дому.

Только лежа в кровати и прокручивая произошедшие события, я наткнулся на неприятный факт: в «плёну», кроме листьев, меня удерживали и какие-то белые тонкие нити, похожие на тонкие корешки.

– Алена, зачем же ты меня покинула? Я схожу с ума.

Во сне жена снова пришла ко мне. На этот раз она не улыбалась.

– Остерегайся его. Уезжай.

Только эти три слова запомнились, хотя Алена явно говорила намного дольше.

– Не могу я уехать, не могу. Здесь я тебя вижу во сне, а в городе – нет.

Это было сущей правдой: те несколько дней после ее смерти, что я провел в городе, ни один сон она не посетила. Здесь же, на даче, не было ни одной ночи, когда бы она не пришла. Даже тогда, когда я ничего не помнил, чувствовал, что Алена приходила. Как я могу уехать отсюда?

Шелест листьев стал настолько привычным, что совершенно уже не воспринимался. Казалось, что так должно было быть всегда.

Снова умывание, завтрак, утренний чай – рутина. Однако смятение в моей душе сняло всю апатию и задумчивость, в которую погрузила меня смерть дорогого человека. На крыльцо я выходил с некоторой надеждой. Вдруг опять получится увидеть Алену?

Листья уже доставали до самого крыльца. Выходить стало страшновато. По логике, я мог провалиться в листья почти по пояс. А если уж вчера мучиться пришлось, то что же говорить про сегодняшний день! Я сел на перила и стал осматривать участок.

Точно на том же месте листья вновь взметнулись и вскоре собрались в Алену.

– Почему ты вчера ушел?

– Я ушел? Ты же первая... (хотел сказать «рассыпалась», но показалось, что слово не очень подходящее) исчезла.

– Нет, я всегда здесь, рядом с тобой. Иди ко мне.

Сам не понимаю, что меня удерживало. Очень хотелось бежать к ней, лететь, ползти, но я почему-то тянул.

Алена еще трижды повторила фразу «иди ко мне», а затем сдвинулась с места и направилась в мою сторону. Она не шла по листьям, она по ним скользила. Трудно описать ее способ передвижения – скорее, он напоминал скольжение по гребню волны. Только в роли воды выступали листья. Они держались своеобразной горкой, и эта горка, перекатываясь, перемещалась в мою сторону, а сверху стояла Алена. Ее движение гипнотизировало, не давая пошевелиться.

Когда до нее оставалось метра два, мне в грудь ударил мощный порыв ветра и сбил с перил обратно на крыльцо. Я больно приземлился на спину, но тут же вскочил на ноги и посмотрел на Алену. Ее нигде не было.

– Что за наваждение!

До самого вечера я простоял на крыльце, все время глядя на место появления Алены. Перед самым закатом она появилась вновь, собралась из листьев.

– Ничего не бойся, – тихо заговорила она. – Ты видишь, с помощью листьев я забираю к себе все вещи этого мира. Пойдем со мной, там хорошо.

– Где там? В мире мертвых?

– Нет. Мира мертвых не существует, есть другая реальность, туда ты и попадешь. Не надо бояться. Выйди ко мне, я помогу.

На этот раз она не приближалась, а стояла на месте и пронзительно смотрела мне в глаза. Такой взгляд трудно было выдержать.

– Ты хочешь, чтобы я вышел на листья, чтобы они меня... облепили?

– Они помогут тебе перейти. Ничего страшного, не бойся. Верь мне.

Я сделал два шага к ступенькам.

– Не бойся.

Ее слова звучали как эхо – эхо, которое никак не кончалось.

Я дошел до ступенек и прикоснулся правой ногой к ближайшим листьям. Тут же мир вокруг стал черно-белым. Машина, парник и садовый домик вновь стояли на своих местах. Ощущения были очень странные. Мне представлялось, что другой мир должен быть ярким, сочным и волшебным, но не таким бесцветным. Чтобы увидеть Алену, нужно было повернуть голову, да еще и шагнуть в сторону. Я только попытался сделать шаг, но снова какая-то сила (почему-то казалось, что это ветер) толкнула меня в грудь, отбросила назад и повалила на деревянный пол.

На этот раз удар оказался намного более мощным, так что несколько секунд я просто лежал и приходил в себя. Когда мне удалось подняться, вокруг стояла тишина и покой. Листья перестали падать. Ни ветра, ни птичьего крика – ничего, весь мир решил взять паузу. Каким-то внутренним чувством я понял, что больше ничего не произойдет, и ушел в дом.

Телевизор включать не хотелось. Я съел только пару бутербродов и выпил кружку чаю. Затем завалился спать и выключился.

Алена стояла рядом со мной. Настоящая, живая... Мы взяли за руки и смотрели друг другу в глаза. Это длилось очень долго, затем Алена подошла, и мы обнялись.

– Не верь листьям, не верь им, – зашептала она. – Тебе нельзя выходить из дома, только его листья не будут трогать. У меня не хватает сил, чтобы тебя защитить.

– Что ты говоришь? – Я слегка отстранился, чтобы взглянуть в ее глаза.

– Я говорю то, что есть. Дух, который пришел, питается твоей болью, твоими мыслями, он подстраивается под тебя, хочет забрать к себе. Не дай ему этого сделать.

– Это злой дух?

– Нельзя так говорить. Он просто дух, это его существование, он питается такими, как ты.

– Но ты?..

– Пока еще я могу тебе помочь. Держись. Я люблю тебя, но не хочу, чтобы ты покинул этот мир раньше положенного срока. Не поддавайся духу.

Она поцеловала меня и растворилась в воздухе.

Я проснулся.

Почти целый час мысли и воспоминания о сне не выходили из головы. Как все происходящее понять? Где правда, а где ложь? В конце концов я решил подняться и выйти на крыльцо.

Вокруг лежали только листья. От забора до забора не осталось ничего, исчезли все деревья, все кусты – сплошные листья, лежащие плотным ковром, и все.

Не прошло и минуты, как вновь появился столб из листьев, тут же преобразившийся в Алену.

– Мы должны быть вместе. Разве ты так не считаешь?

– Во сне ты хотела другого.

– Сон – это всего лишь сон. Не обращай внимания. Разве ты не видишь, что это я настоящая, а не кто-то там во сне. Иди ко мне, не бойся.

Ее голос гипнотизировал, подавлял силу воли. Ноги сами начали двигаться в направлении ступенек.

– Молодец. Я жду тебя, я так скучала...

Вскоре мои ноги погрузились в теплую, мягкую, сухую листву. Я двигался как во сне, листья постепенно поглощали меня, с каждым шагом мое тело погружалось все глубже. Алена стояла и манила к себе. Дойти до нее я так и не сумел, листья поглощали меня, закрыв с головой. Шевелиться совершенно не хотелось, появилось ощущение чего-то приятного, теплого, домашнего. Хотелось заснуть, погрузиться в небытие. Ничего не могло быть лучше того, что меня окружало.

– Борись! Не сдавайся! Дух забирает тебя! Не сдавайся!

Голос Алены из сна пробился через апатию и сонливость. Я встрепенулся. Теперь чувствовалось, что вокруг всего лишь груды листьев и ничего больше. Ничего хорошего в этом нет, зачем умирать, погребенным под листвой? Я принялся выбираться. И тут неожиданно понял, что все не так просто.

Листья вцепились в меня мертвой хваткой. Они держали так мощно и жестко, что пошевелиться удавалось лишь с большим трудом. Чем сильнее я напрягался, тем плотнее сжимались листья. Я понял, что это конец. Как можно бороться с тем, чего не понимаешь? Что тут можно сделать? Мысль заработала с лихорадочной скоростью. Как жаль, что у меня с собой не было ни ножа, ни ножниц... Зажигалка! В правом кармане рубашки – осталась после того, как топил печку! Вот только как бы до нее добраться...

Листья действовали с определенной логикой: чем сильнее дергался я, тем сильнее сжимались они. Однако если двигать рукой очень медленно, то листья так же сопротивляются лишь слегка, и в этом варианте удавалось понемногу поднимать руку вверх.

Двигаться пришлось довольно долго, меж тем стало чувствоваться, что воздуха становилось все меньше и меньше. Возможно, мешало само давление, но, может быть, сверху просто набралось слишком много листвы, которая очень плотно закрыла меня.

В какой-то момент я решил, что не справлюсь, отключусь раньше, однако как только пальцы почувствовали корпус зажигалки, во мне как будто включились новые силы. Минуты две спустя зажигалка удобно легла в ладонь, но убрать ее от себя не получалось. Листья позволяли понемногу двигать рукой вверх-вниз, но не в сторону. Так я и стоял, зажатый листьями со всех сторон, с зажигалкой у самой груди...

– Очнись, очнись...

Голос Алены (я надеюсь, что ее голос) заставил меня прийти в себя. Я понял, что это конец. Нужно было или что-то решить сейчас, или сдаться духу. Но что делать?

– Алена, я не сдамся!

С этими словами я щелкнул зажигалкой. Огонек тут же появился. Я его не видел (глаза были залеплены), но почувствовал его тепло. Не знаю, что загорелось сначала – моя рубашка или ближайшие листья, но пламя неожиданно взревело и полыхнуло в разные стороны. Меня обожгло, боль казалась невыносимой, и я закричал. Затем почувствовал, что давление ослабло.

– Сейчас или никогда!

Я начал активно дергаться во все стороны, сбрасывая с себя пылающую листву и обрывки одежды. Несколько секунд спустя мне удалось вырваться. Огонь пылал повсюду, он мгновенно распространился по сухой листве сразу во все стороны. Я стоял в эпицентре огромного костра.

– А-а-а! – пронзительный визг заложил уши. – Ты предал меня!

С огромным трудом я сумел различить особенно высокий столб пламени. Горела Алена из листьев. Теперь Дух выдал себя, и никаких сомнений не осталось. Как я был глуп, поверил в то, что Алена могла вернуться...

«Но кто же приходил во сне?»

Огонь спалил всю листву буквально за пару минут. Я стоял на коленях и осматривал окрестности – пепел покрывал совершенно пустую землю. Дом остался стоять как ни в чем не бывало, а вот деревья, парник, машина и садовый домик исчезли навсегда.

Попутка катила меня в сторону Москвы. Судя по всему, выглядел я очень неважно, так что водитель даже пообещал не брать с меня денег. Мой отпуск досрочно закончился. Я смотрел в окно и пытался осмыслить происходящее. Что это было? Как понимать? Сошел ли я с ума?

Вокруг бушевала осень, манили красивейшие разноцветные пейзажи, от которых невозможно было оторвать взгляд.

«Где же ты, Алена?» Неожиданно в окне появилось ее лицо. Она выглядела такой спокойной и даже веселой, что я невольно улыбнулся. Алена улыбнулась мне в ответ, а затем растворилась. Растворилась навсегда. Больше я ее никогда не видел, но мне хочется верить, что в свое время мы встретимся вновь...

Голос. Записки хладнокровного

Впервые я услышал его в метро, когда стоял на станции в ожидании поезда:

– Шаг вперед – и всё. Не хочешь попробовать?

Голос зазвучал в моей голове очень неожиданно, так что я даже вздрогнул, чем удивил женщину слева, которая как бы случайно сделала пару шагов в противоположную от меня сторону. Впрочем, это меня мало занимало, а вот голос, который влез непонятно откуда, в какой-то степени напрягал. Мало ли что это могло быть. Не скажу, что это был жуткий или какой-то потусторонний голос, нет. Разве что слегка шипящий, как будто говорила змея, но ничего необычного.

«Как-то не хочется», – наконец-то я нашел, что ответить. Звук приближающегося поезда заглушил все возможные звуки, и я так и не понял, сказал голос еще что-нибудь или нет.

Честно говоря, в тот момент я подумал, что это была просто какая-то ерунда, невразумительная, хотя и вполне вероятная. Впрочем, через пару минут я уже ехал в поезде и читал книгу.

Второй раз голос прозвучал в то время, когда я был за рулем:

– Поверни руль вправо! Резче!

Если бы это шипение прозвучало впервые, то я бы вообще подумал, что слова прозвучали из орущей магнитолы, но нет, такой голос нельзя было с чем-то перепутать. На сей раз голос как-то не произвел на меня особого впечатления, и я его запросто проигнорировал. Хуже дело обстояло с третьим разом. Вот тут я, честно говоря, практически испугался.

Дело было в лифте. Живу я на шестнадцатом этаже, так что сами можете представить, сколь долго длится этот подъем. В лифт я сел один. После работы, уставший, хотевший, по сути, только одного – добраться до кровати и лечь, я уж точно не думал о каких-то неприятностях, голосах и тому подобных вещах.

Кнопка засветилась привычным желтым светом, и лифт тронулся. Мерное гудение радовало. Пока это гудение есть, я поднимаюсь, а раз поднимаюсь, то все ближе становлюсь к своей цели – квартире.

Думаю, я успел подняться примерно на четвертый-пятый этаж, когда кнопка резко изменила свой цвет, из желтой став красной. Я промолчал, лишь мысль о том, что «не хотелось бы застрять», мелькнула в голове и ушла в недоступные измерения. Затем появился и голос:

– Ты испытываешь мое терпение. Неужели так трудно было упасть под колеса поезда или врезаться в бетонную стену?

– Как видишь, трудно, раз я не сделал. – Мой голос был весьма ворчлив.

Пока еще я ничего не боялся. Голос, о котором я уже думал несколько дней, занимал меня, но почему-то совсем не пугал. Единственное, чего я опасался, – это сойти с ума. Одно дело, когда вмешиваются всякие потусторонние силы, и другое, когда мозги отказываются подчиняться и начинают свою игру. В данном случае я в большей степени хотел разобраться, что со мной случилось: первое или второе. Между тем голос продолжал:

– Это неправильный ответ. Опять придется всё решать самому.

Лифт начал раскачиваться. Сначала это было легкое покачивание, но затем качка становилась все заметнее и заметнее.

– Меня сейчас укачает, – хотел сострить я, но сам понял, что мой голос дрожал.

– Не волнуйся, это ненадолго. – Голос скрипуче захрипел, вполне возможно, что это был смех.

– Да я и не волнуюсь. – Мне уже пришлось пошире расставить руки и упереться в стенки кабины. – Просто слегка опасуюсь.

– Вот и отлично. Пора лететь вниз.

– Я не хочу вниз, мне наверх надо.

– Уже не надо, – опять заскрипел голос.

Лифт сорвался и рухнул вниз. Затем последовал удар, и я повалился на пол.

– Ты забыл про стопоры, – с трудом пробурчал я.

После резкого падения грудную клетку сильно сдавило и воздух вдыхался и выдыхался с некоторым трудом. Затем я рассмеялся. Сам не ожидал, что такотреагирую – скорее всего, это было нервное.

– Еще увидимся. – В голосе не слышалось ни досады, ни злобы, только слова, ничего более.

Из лифта меня достали почти через час. Сначала отругали за то, что безобразничаю в лифте, но затем решили поверить, что я ничего не делал. Видимо, лицо у меня было достойное доверия. Подниматься пришлось пешком. Да оно и к лучшему, хватит на сегодня с меня лифтов. Ступеньки – вот они, такие родные, близкие и безопасные.

Дома меня никто не ждал, так как никого и не было. Отдых – вот что мне требовалось, причем уже давно. Этот непонятный и вредный голос сбивал все мои планы. Да и вообще всё мое душевное равновесие. Спать очень хотелось, но нервное состояние не давало мне успокоиться.

«Что за наваждение? Почему такое произошло?» Мысли не давали покоя. Как реагировать на этот голос? В голову ничего не приходило.

Пока рассуждения сами собой меня развлекали, усталость дала о себе знать. Глаза закрылись, и я провалился в сон. Сколько времени мне удалось поспать, не знаю, но когда я проснулся, прямо перед моим лицом находилось что-то белое. Через секунду белая тень отделилась и превратилась в привидение.

– Что за?..

Большого я сказать не мог. Все тело онемело, по спине побежал холодок.

Призрак молчал, затем поплыл к двери и растворился в воздухе. Я сел на кровати и стал соображать. Впечатление было самое неприятное, я бы даже сказал, ужасающее. В голову ничего не приходило. В этой квартире никто не умирал, особенно в последнее время, у соседей вроде бы тоже все было нормально. Откуда мог взяться призрак?

Зажглась люстра, сразу все пять лампочек, но я слышал, что выключатель никто не трогал. При свете стало как-то повеселее, но это же как-то подозрительно. Раздался хлопок – лопнула лампочка, и ее остатки посыпались из люстры на пол. Я чуть не вздрогнул. Затем второй хлопок, третий, четвертый... Все пять лампочек лопнули, и снова навалилась темнота. Впро-

чем, темнота все же была относительная. Уличные фонари светили отменно, так что говорить о «крошечной темноте» или о том, что «кому-то выкололи глаза», не приходилось.

– Голос!.. Эй, голос! Не хочешь поговорить?

– Зачем? – прошипел голос.

– Это ты всё устроил?

– Вы хотите поговорить об этом?

Голос явно пошутил. После этого телевизор оторвался от тумбочки и полетел в меня. Еле-еле я успел подставить руки и отклонить телевизор от своей головы. Удар в стену получился очень громким. Через секунду застучали швабры за стеной.

«Видать, услышали», – почти злорадно подумал я. Помнилось еще, как недавно на выходных за стеной стоял такой ужасный грохот, что до меня даже долетали слова какой-то очередной попсы.

А телевизор было жаль, я его только месяц назад как купил. Затем в меня полетел торшер, в котором прямо в воздухе лопнула лампочка, и, хотя я успел прикрыться одеялом, все же несколько осколков простучало по макушке.

– Может, хватит? – Я высунулся из-под одеяла.

– Думаешь? – Голос чуть ли не хохотал.

– Жалко всё-таки, вещи хорошие.

– Ну-ну. Ты еще самого интересного не видел.

Кровать подо мной приподнялась.

– Эй, Хоттабыч, не шали! – сказал я и тут же подумал: «Кажется, я чуть не взвизгнул, нехорошо как-то».

Кровать немного повисела, а затем перевернулась. На меня повалилась вся постель вместе с матрасом. Я ждал и саму кровать, приготовившись принять ее спиной под матрасом. Но ничего не происходило. Я осторожно вылез и посмотрел наверх. Кровать стояла боком у стены.

– Спасибо, что кровать на меня не уронил.

– Не стоит благодарности.

Сильный удар в грудь отбросил меня через всю комнату к стене, которая и приняла на себя мое брэнное тело. Я сполз по обоям на пол и схватился за грудь. Дыхание с трудом пробивалось наружу.

– Неплохо ты меня приложил, – прохрипеть удалось только это.

– Уж как умею.

Голос ответил как-то неуверенно. Я это заметил, но виду не показал.

– У тебя есть какая-то цель?

– Была... кажется...

– А что теперь? Будешь добивать?

Мне этого не хотелось, но мало ли что там у всяких призраков на уме? Да и вообще, есть ли у призраков ум, если у них нет мозгов?

Мои мысли прервал голос:

– Что-то мне неинтересно с тобой.

– Ну, извини.

– Да ничего. Бывай.

Призрак появился во всей своей красе прямо посреди комнаты, повисел, а затем с резким хлопком растворился в воздухе.

– Фух! – Я утер еще не вспотевший, но уже близкий к тому лоб.

«Бубух!» – Кровать, долгое время простоявшая прислоненной к стене, упала. Опять раздался стук швабры в стену.

Я расслабленно расхохотался.

Инвалидное кресло

Алексей толкал руками в черных перчатках колеса своего инвалидного кресла и поглядывал по сторонам. Не очень ровная дорога, местами покрытая щебенкой, не давала расслабиться. Впрочем, он уже много раз катался по этим дорогам и вполне осознавал, какие места лучше объехать, а где можно ни о чем не волноваться. Вокруг было тихо. Конец июня, раннее утро.

«Как хорошо, что дедушка сделал для меня такой удобный спуск», – думал Алексей. А дедушка и правда очень много вложил любви и труда, когда создавал для своего внука все удобства. Прогулочное кресло было весьма широким, и, чтобы Алексей мог им спокойно пользоваться, пришлось расширять проемы дверей. А уж ступеньки, которые выглядели крутыми даже для обычного человека, для мальчика становились непреодолимым препятствием. Дедушка долго думал, как бы сделать спуск поудобнее и попроще, и приспособил толстые доски, в которых выдолбил специальные желобки, чтобы колеса кресла-коляски легко проходили, но не выскакивали. При таком оснащении ступенек Алексей мог спускаться, никого не призывая на помощь.

В это раннее утро ему не спалось. Мысли не давали покоя. Уже неделя прошла после смерти дедушки, но Алексей все никак не мог успокоиться. Матери и отца, по сути, у него никогда не было – они отказались от него еще при рождении, когда узнали, что мальчик никогда не будет ходить. Растил его и воспитывал дедушка. Бабушка, конечно, тоже участвовала, но почему-то Алексей всегда легко вспоминал деда и с большим трудом – бабушку. Видимо, потому, что она ушла из жизни, когда ему было четыре года. Сейчас ему было двенадцать.

Двенадцать лет. Он остался совсем один. Да, у него остались отец и мать, которые пытались наладить хоть какой-то контакт с сыном года три назад, но из этого ничего особо не вышло. Еще оставалась сестра, которая, собственно, сейчас и помогала брату на даче. У нее уже был собственный ребенок, и Алексей становился для нее серьезной обузой. Мальчик это понимал, но что он мог сделать? Мысли мучили его. Остаться один на один с этим миром без реальной поддержки совсем еще юному человеку в инвалидной коляске – что может быть страшнее?

– Многое, многое может быть страшнее, – постарался убедить себя Алексей, сказав эту фразу вслух.

Он попытался представить всяких чудовищ, потерю гипотетических родителей, человека без рук, без ног, но даже такие страшные мысли не могли отвлечь его от своей жизни. Точнее,

от того, что теперь стало его жизнью. Что теперь делать? Как жить? Висеть на шее сестры? Обращаться к родителям? От последнего вопроса Алексея передернуло.

Он катился в сторону леса. Дедушка часто шутил по-доброму: «Ага, пошел в инвалидной коляске за грибами». На самом деле все было не так страшно. Калитка от дачного забора открывалась легко, коляска проезжала спокойно, а дальше достаточно было выехать на лесную дорогу, которую проложили машины (честно говоря, Алексей никогда машин в лесу не видел, поэтому для него всегда было загадкой, какие же машины и когда сумели проложить этот путь). Здесь кресло катилось вполне прилично. Тем более дедушка хорошо поработал над тем, чтобы дорога получилась надежной и безопасной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.